

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

СОЦИАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ИМЕНИ МИТРОПОЛИТА
МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ

**МЕТАМОРФОЗЫ ДЕМОКРАТИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ МЕДИА:
ОТ УТОПИЙ - К ЦИФРОВОЙ АНТРОПОЛОГИИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 47.04.01 Философия
очной формы обучения, группы 87001613
Устинова Артема Викторовича

Научный руководитель
к. филос. н., доцент
Майданская И.А..

Рецензент

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. ОБЩЕСТВО В ВЕК ТЕХНОЛОГИЙ: К ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ	11
1.1. Утопические и антиутопические ожидания от технологий в XX веке	11
1.2. Особенности генезиса Интернета как повод для постановки проблемы метаморфоз демократии	33
II. ПОСТУТОПИЯ И ЦИФРОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	50
2.1. Цифровые медиа и демократия. Утопия и декаданс	50
2.2. Акторы и цифровая антропология: отход от утопий	69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	82
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	85

Введение

Актуальность темы. Новые технологии всегда накладывают отпечаток на нашу жизнь, а в наше время – это особенно остро чувствуется в связи с технологиями коммуникационными. Когда-то в историографии было актуальным делить эпохи на основе производственных возможностей людей: был Каменный век, Бронзовый век, Железный век и т.д. Главное, что это отражало основную мысль человека промышленной эпохи, согласно которой в ходе прогресса мы покоряли все более совершенные материалы и наша производственная мощь росла от столетия к столетию, наконец приведя нас к углю и пару, фабрикам и заводам. Сейчас такие аналогии уже не кажутся столь актуальными. В мире, котором одной из главных технологий является Интернет, на историю удобно смотреть с точки зрения революций в средствах коммуникаций – длинной истории протянувшейся от изобретения письменности до появления смартфонов и мессенджеров.

В ходе своего «медиапутешествия» человек далеко не всегда отдавал себе отчет в той силе, которой обладают его средства коммуникации. Он не до конца осознавал то, как его же создания начинают определять и обуславливать его жизнь. Электрические коммуникации двадцатого века заставили обратить на себя внимание. Совпавшее с появлением века масс, электронные медиа становятся мощным инструментом политической пропаганды, которым всю пользовались авторитарные и тоталитарные режимы, например, фашистский в Италии и нацистский в Германии. Именно тогда медиа становятся интересны в сферах осмысления политики и государства, хотя они, естественно важны были для них и до двадцатого века. Построение огромных бюрократизированных государств, таких как Римская империя, было бы невозможно не будь фонетического алфавита и папируса, который стал основным медиа римских чиновников. Печатный

станок помог в становлении национального государства через процесс гомогенизации языков.

Манипулятивная сила новых электронных медиа заставила беспокоиться многих мыслителей, которые очень скоро начали критиковать данные средства коммуникации. Особенно сильна была критика от лево ориентированных философов (Франкфуртская школа). Однако, в то же время, некоторые увидели в электронных технологиях техническую возможность организации новых форм демократии. Мгновенный характер электрического сообщения мог позволить проводить постоянные референдумы посредством телевидения, об этом говорит Маклюэн. Энцисбергер говорит о том, что с помощью электронных медиа каждый пользователь сможет стать производителем контента, что сломает вещательную структуру «буржуазных» СМИ. Интернет же стал действительной технологией, в которой каждый мог свободно распространять и создавать контент, что сделало актуальным разговор о том, что он должен привести метаморфозы в демократическое устройство.

Активные разговоры о том, что цифровые технологии делают общество более демократическим связаны с событиями, некогда охватившими арабский мир. Протестные события, получившие названия Facebook-революции в Египте и Twitter-революции в Иране, всколыхнули западный мир, заставив многих политиков думать, что интернет-технологии помогут превратить авторитарные режимы всего мира в демократические, нужно лишь помогать их распространению. Это вызвало бурную реакцию среди исследователей Интернета для которых, так или иначе, всегда был актуален вопрос о том являются ли цифровые медиа технологией, несущей демократию. Мнения разделились, одни считали, что свободный характер интернет-коммуникаций позитивно влияет на характер уже существующей представительской демократии и даже приносит толику прямой демократии в политическую жизнь; другие придерживаются инструментального подхода к технологиям. Эта группа исследователей считает, что технологии

нейтральны и все зависит от их применения: Интернет может стать как демократической технологией, так и глобальным паноптикумом.

Однако, часто не учитывается тот факт, что технологии всегда вызывают определённые представления у своих пользователей. Как будет показано, Интернет родился в среде, где был довольно силен дух свободы и равенства участников первых виртуальных сообществ. А это породило определённые утопические проекты, которые продолжают оказывать влияние на сегодняшние представления о технологиях. Более того технологии неразрывно связаны с утопическими представлениями их изобретателей и пользователей. Именно поэтому в исследовании темы возможных метаморфоз демократии невозможно обойтись без разговора об утопическом мышлении и его альтернатив.

Степень разработанности темы. Тема метаморфоз демократии в цифровую эпоху достаточно хорошо разрабатывалась в литературе, так как практически каждый исследователь Интернета интересовался этой темой. В основном эти вопросы прорабатывались рядом зарубежных исследователей, среди которых значатся Мануэль Кастельс, Патрис Флиши, Джон Кин, Евгений Морозов. Разработку данной темы мы можем обнаружить в манифестах о свободе Интернета, самым ярким из которых был «Манифест независимости киберпространства» Джона Перри Барлоу.

Однако одной из самых ранних, действительно научных попыток осмысления влияния цифровых технологий на государственную и политическую сферу (наряду с другими) предпринимает Кастельс. Он считает, что свободный характер коммуникаций безусловно придает импульс демократизации общества, хотя, конечно, это не настолько безусловный процесс, каким бы он мог предстать в парадигме технологического детерминизма. Патрис Флиши – еще один исследователь, признающий влияние интернет-технологий на демократию. В своей статье «Является ли Интернет инструментом демократии?» он отмечает, что цифровые технологии, безусловно, повышают возможности свободного обсуждения

проблем, что, конечно, довольно важно для демократического устройства общества. Джон Кин – австралийский исследователь демократии, очень давно занимающийся проблемами взаимодействия медиа и демократии, одна из его ранних книг, переведенных на русский язык так и называлась «Средства массовой информации и демократия», а в недавно изданной на русский язык работе «Демократия и декаданс медиа» Джон Кин подробно касается темы облика демократии в современную эпоху, в которой господствуют цифровые медиа. Он считает, что цифровые медиа вносят свой вклад в развитие представительской демократии, позволяя избирателям следить за своими избранниками, однако присутствуют и негативные процессы, которые он называет «декаданс медиа». Эти негативные процессы выводит во главу угла Евгений Морозов, который работает в той же тематике, но считает, что интенсификация разговоров об Интернете как о демократической технологии вызывают реакцию со стороны авторитарных правительств, которыми цифровые медиа используется в антидемократических целях.

В России также присутствуют исследования на подобную тематику и одним из ярких из них является работа Волкова Л.М. и Крашенинникова Ф.Г. «Облачная демократия» в которой они обосновывают технологическую возможность построения государственного проекта, который смешивает практики представительской и прямой демократий.

Исследование утопического мышления, которое тесно связано с рассуждениями о метаморфозах демократии, представлено ограниченным кругом авторов. Первый из них – это Серж Московичи, который ввел в обиход понятие «социальные представления», чтобы объяснить как сложные научные идеи становятся частью повседневного дискурса, зачастую теряя или изменяя свой смысл, попадая под процесс мифологизации. Социальные представления являются важной частью концепции Патриса Флиши о *social imaginary*, в которых утопии, как раз, играют большую роль. Утопические проекты являются тем, как себе представляют ту или иную технологию её

разработчики и пользователи, а эти проекты определяют то, как будут пользоваться технологией люди и то, какое они будут оказывать влияние на общественную жизнь.

Утопическое мышление – это характерная черта разработки темы Интернета как демократизирующей технологии, которая неоднократно подвергалась критике и сомнению. Эволюция разработки темы демократии в эпоху цифровых медиа приводит к кризису утопического мышления, который выразился в распространении методик цифровой антропологии. Эта дисциплина, которая является еще не вполне оформившейся и представляет собой использование этнографических методов в цифровой среде и пока не дает нам большого количество материалов. Так, в данном направлении существует несколько традиций. Одной из них является изучение онлайн-сообществ сугубо в их «виртуальном» поле взаимодействия, ярким представителем этого подхода является Том Боелстроф. Близкой к этой является традиция проводить аналогию между племенами и онлайн-сообществами, которые превращаются в «цифровые племена», собирающиеся вокруг «цифровых тотемов» (Facebook, Twitter, Википедия и т.д.), автором данной аналогии является Стив Виллер. Данные течения предполагают наблюдение за пользователями Интернета исключительно в онлайн-среде. Другой подход, который пропагандирует Дэниел Миллер, предполагает наблюдение за практиками использования цифровых медиа пользователей в различных частях света, что позволяет доказать, что в практиках использовании Интернета существует большое разнообразие.

Объектом исследования являются репрезентации медиатехнологий в научных, публицистических и художественных источниках.

Предметом исследования являются репрезентации цифровых медиа как технологии, помогающей в развитии демократии.

Цель исследования – проследить эволюцию репрезентаций цифровых медиа как причину метаморфоз демократии от утопических до постутопических представлений.

Для достижения цели необходимо достигнуть следующих **задач**:

- рассмотреть утопические и антиутопические представления о технологиях в двадцатом веке;
- проанализировать особенности истории развития Интернета как причины для дискуссии о его демократизирующем влиянии;
- выявить основные подходы к цифровым медиа как к инструментам демократии и рассмотреть причины кризиса данных идей;
- рассмотреть отход от утопий в мышлении о цифровых технологиях в рамках цифровой антропологии и акторно-сетевой теории.

Теоретико-методологические основы исследования. В исследовании были использованы общенаучные и философские методы. Теоретической основой исследования послужили идеи Московичи о социальных представлениях и концепция Флиши о social imaginary. С помощью анализа дискурса некоторых литературных источников исследовались утопические и антиутопические нарративы. С помощью сравнительного анализа историй Интернета, изложенных Мануэлем Кастельсом и Патрисом Флиши, выявлялись основные особенности развития данной технологии.

Источниковую базу исследования составляют работы Патриса Флиши, где он говорит о воображаемом в технологиях и их утопических проектах. Это работы: «The imaginary Internet: How Utopian fantasy shaped the making of a new information infrastructure» (NY, 2004), «Воображаемое Интернета» (перевод А.А. Брылевской, СПб., 2005). Работа М. Кастельса «Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе» (перевод А. Матвеевой, Екатеринбург, 2004), книга Е. Морозова «Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети» (перевод И. Кригера, М., 2014), Дж. Кина «Демократия и декаданс медиа» (перевод Д. Кралечкина, М., 2015). В теме о вертикальной и горизонтальной организации средств коммуникации оказалась полезна статья Х. Энцесбергера «Строительный материал для теории медиа» (перевод А. Рябовой, М., 2015). В анализе подхода цифровой антропологии основными работами стали сборник под редакцией Д.

Миллера и Хидера Хорста «Digital anthropology» (London, NY, 2012), исследований Миллера «Why we post» и книги вышедшей в рамках этого проекта «How the World Changed Social Media» (London, 2016). Проводником в инструментарий акторно-сетевой теории стала работа Б. Латура «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» (перевод С. Гавриленко, 2014).

Научная новизна исследования обусловлена выбором оптики рассмотрения проблемы демократии и цифровых медиа. Если обычно проблему принято рассматривать в смысле того, какие изменения привносят интернет-технологии в демократию, то в данном исследовании метаморфозы демократии рассматриваются через призму утопических представлений, возникающих у пользователей данных технологий.

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что понимание социальных представлений, идеологем и утопических проектов, существующих у пользователей и разработчиков цифровых медиа, помогают предупреждать конфликты вокруг цифровых медиа различных заинтересованных сторон, являющимися носителями разных представлений.

Апробация результатов исследования: выступление на IV Межвузовской научно-практической конференции для бакалавров, магистрантов и аспирантов: «Исследования медиа и коммуникаций: теории, практики, исследовательские перспективы» с докладом на тему «Google-эффект и М. Маклюэн. Интернет как внешнее расширение памяти» (Москва, 2017). Участие в конференции «Дискурсология и медиакритика средств массовой информации» с докладом на тему «Интернет и демократия в призме социального и технологического детерминизма» (Белгород, 2017). Выступление межвузовском научно-теоретическом симпозиуме «Идея революции и реальность: опыт философской рефлексии» 23 ноября 2017 г. в Белгородском государственном институте искусств и

культуры с докладом на тему: «Революционная пропаганда и флэшмоб. Опыт взаимодействия революционных сил и медиа».

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Устинов А.В. Google-эффект и М. Маклюэн. Интернет как внешнее расширение памяти человека // Биотехнологическое улучшение человека как проблема социально-гуманитарного знания: материалы Школы молодых учёных. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2017. С. 98-105.

2. Устинов А.В. Интернет и демократия в призме социального и технологического детерминизма // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: сборник научных работ (по материалам международной научно-практической конференции, НИУ «БелГУ», 4–7 октября 2017 г.). Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 413-419.

3. По теме диссертации принята к публикации в ближайшем номере журнала «Наука. Искусство. Культура» (№ 2 (18) за 2018 г., журнал входит в РИНЦ) статья «Революционная пропаганда и флэшмоб. Опыт взаимодействия революционных сил и медиа».

Глава I. Общество в век технологий: к истории проблемы

1.1. Утопические и антиутопические ожидания от технологий в XX веке

Прежде чем приступить к изучению проблемы концептуального осмысления влияния цифровых медиа на власть и, в частности, демократию, следует обратиться к основаниям и предпосылкам исследуемого вопроса.

Такие основания, главным образом, могут быть найдены в истории двадцатого века – времени, когда технологии наиболее заметным образом вошли в жизнь человека, кардинально повлияв на облик эпохи. Более того, двадцатый век, как будто впервые обратил пристальное внимание на то как техника и технологии влияют на человека и ход истории. В статье «Человек и техника» Освальд Шпенглер указывает, что по отношению к культуре и истории вопрос о технике актуализируется в девятнадцатом веке, приобретая наибольшую остроту в двадцатом столетии. До этого, пишет Шпенглер: «технику вообще не замечали и во всяком случае считали её – в сравнении с рассуждениями о морали – чем-то не заслуживающим внимания»¹. Хотя, так или иначе, технику осмыслили еще в древние времена. Вспомним, например, диалог Платона «Протагор», в котором известный софист излагает миф о творении человека, согласно которому боги приказали титанам Эпиметею и Прометею разделить способности между смертными родами. Эпиметей попросил у Прометея дать ему самостоятельно заняться этим делом, на что тот дал согласие. Когда же Прометей вернулся, то заметил, что Эпиметей одарил всех кроме человека, который в отличии от других существ «наг и не обут, без ложа и без оружия»², тогда Прометей решает помочь людям: «Крадет Прометей премудрое искусство Гефеста и Афины вместе с огнем,

¹ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век: антология. М.: 1995. С. 460.

² Платон Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. С. 584.

потому что без огня никто не мог бы им владеть или пользоваться»³. Таким образом, мы видим, что важность «техники» справедливо отмечали многие мыслители, но острым вопрос становится лишь к двадцатому веку.

Но прежде чем понять, почему эта проблема становится так важна для мысли прошлого столетия, следует провести различие понятий. В заглавии параграфа упомянуто понятие «технология», а не техника, о которой только что говорилось. Часто эти понятия употребляются синонимично, но в них есть важные отличия.

Когда речь заходит о слове «техника» многие обращаются к его этимологии, оно происходит от греческого «техне» – искусство, мастерство или умение. Греческое техне – это специфический термин, который обозначает довольно широкую область деятельности. А.Ф. Лосев говорит, что этот термин в античности понимался как ремесло, но ремесленниками считались не только каменщики, портные и т.д., ремесленниками были также художники и ученые, так как, то что мы сейчас понимаем под искусством и наукой греки так же, как и ремесло обозначали термином «техне»⁴. В целом техне всегда связывается с практической деятельностью. В философском словаре 2010 года встречается следующее определение техники: «Техника – способ добиваться чего-либо, достигать, осуществлять; в самом широком смысле слова – совокупность средств человеческой деятельности, направленная на изменение данного, преднаходимого соответственно человеческим потребностям и желаниям»⁵. В этом определении мы находим следующую особенность, техника помогает человеку достигать его цели. Об этом говорит Хайдеггер, когда указывает, что техника есть средство достижения человеческих целей. Правда, он говорит о важном отличии современной ему техники, но об этом скажем позже.

³ Платон Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. С. 585.

⁴ См. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Издательство политической литературы, 1988. С. 235.

⁵ Губский Е.Ф. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 436.

Мы определили понятие «техника», как средства достижения цели, теперь попытаемся дать рабочее определение понятию «технология».

Термин «технология» впервые ввел в обиход Иоганн Бекман – ученый, который преподавал в Геттингенском университете. Он часто водил своих студентов в мастерские, чтобы студенты совершенствовались не только в теоретической деятельности, но и в практической. В этих практических занятиях Бекман также знакомил студентов с историей развития наук и ремесел. Эти занятия стали для Бекмана основой из которой выросли его труды, в которых он впервые употребляет слово «технология», обозначая под ней науку о ремеслах, основная особенность которой состоит в том, чтобы изучать и объяснять «методически и определенно все виды труда с их последствиями и причинами»⁶. Со временем данное понятие претерпевает изменение. В Философской энциклопедии под редакцией Степина встречается следующее определение: «Технология – совокупность (система) правил, приемов, методов получения, обработки или переработки сырья, материалов, промежуточных продуктов, изделий, применяемых в промышленности»⁷. Здесь технология, также, как и техника, выражает собой способ получения результата с тем небольшим отличием, что здесь говорится о промышленности.

Как видно, довольно сложно провести четкое различие между техникой и технологией. Эти понятия изменяются в зависимости от исторической эпохи и, более того, на разных языках будут по-разному понимать данные термины. Жан-Жак Саломон указывает на различия между английским и континентальным употреблением этих терминов. В своей статье «Что такое технология? Вопрос о происхождении понятия и его определениях» (What is technology? The issue of its origins and definitions) он пишет, что в английском языке слово «technology» будет обозначать как технику, так и технологию, когда как на континенте (он говорит о французском, немецком и славянских

⁶ Beckmann J. Anleitung zur Technologie. – Рипол Классик, 1787.

⁷ Новая философская энциклопедия в 4-х томах. М.: Мысль, 2001. С. 491

языках) словом «техника» обозначается вся деятельность, связанная с техническими инструментами, под технологией же понимается более специализированные и продвинутые варианты техники.

Чтобы не запутаться в богатой истории употребления данных терминов, попробуем выделить главное. Понятие «технология» имеет научное происхождение, о чем мы говорили, когда отсылали к Бекману. Новое время и Просвещение распространяет научный метод на все сферы жизни и поэтому техника также «онаучивается» и становится объектом изучения. Такое тотальное распространение научного метода приводит к тому, что термины «техника» и «технология» в наши дни практически превратились в синонимы.

Кроме того, через все Новое время проходит принцип, гласящий о том, что человек – властитель природы. Бэкон формулирует этот тезис, говоря о том, что знание дает нам власть над природой: «Знание и могущество человека совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие. Природа побеждается только подчинением ей, и то, что в созерцании представляется причиной, в действии представляется правилом»⁸. Техника и технологии также имеют огромную роль в этой системе могущества. Их бурное развитие на протяжении всего этого периода изменили мир сильнее чем когда-либо: распространение пороха, печатный станок Гуттенберга, железные дороги, новые источники энергии лишь малая часть изобретений, появившихся в ту пору. Апофеоз этого бурного развития описывает Хайдеггер. Он говорит, что раньше человек хоть и пользовался техникой, он *опирался* на силы природы: мельница зависит от ветра, посаженное крестьянином зерно зависит от плодородности почвы. Современная, Хайдеггеру, техника полностью господствует над природой. Она практически не зависит от природных явлений, природа встраивается в технические устройства: «Воздух поставлен на добывание азота, земные недра – руды, руда – на добычу, например, урана, уран – атомной энергии, которая может быть использована для

⁸ Бэкон Ф. Новый органон. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015. С. 130

разрушения или для мирных целей... На Рейне поставлена гидроэлектростанция. Она ставит реку на создание гидравлического напора, заставляющего вращаться турбины, чье вращение приводит в действие машины, поставляющие электрический ток, для передачи которого установлены энергосистемы с их электросетью»⁹. Здесь Хайдеггер говорит о фундаментальном отличии «традиционной» и современной ему техники. Он считал, что техническая деятельность человека имеет познавательную основу и направлена на «раскрытие потаенного», но с появлением современной техники эта позиция меняется. Человек при помощи техники больше не раскрывает тайны и не ищет истину, теперь с помощью неё он принуждает природу по первому требованию отдавать ее энергию. Такое отношение к природе и технике, как считал Хайдеггер, несет в себе огромный риск для человека, который за производственным процессом забывает об истине. Он пытается преодолеть этот риск с помощью возврата к сущности техники, которая призвана раскрывать потаенное. Не будем на этом останавливаться подробно, скажем лишь, что позиция Хайдеггера полезна тем, что она демонстрирует изменившееся отношение к технике: на неё не только обратили пристальное внимание, но и осознали риски, которая она несет.

Итак, мы показали, что в двадцатом веке техника и технология обращают на себя пристальное внимание и каким образом понятие «технология» вводит в техническую деятельность человека науку. Отметим, что этот процесс тесно связан с эпохой Нового времени и его доктриной о властвовании человека над природой. Этот аспект будет развернут позже и сделано это будет по следующей причине. Данная работа строится на предположении о том, что в двадцатом веке существовали определенные *представления*, которые условно можно разделить на два больших нарратива: *утопический* и *антиутопический* и эти нарративы оставили свой след в восприятии и более современных технологий, таких как интернет. Так

⁹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.

же мы рассмотрим как на появление этих нарративов повлияли Новое время и эпоха Просвещения, а пока следует немного разобраться со вновь появившимися понятиями.

Ранее было озвучено слово «представления», поэтому стоит отметить, что в данной работе данное слово будет соотносится с понятием «социальное представление», введенное в научный обиход французским психологом Сержем Московичи. Термин появляется в связи с работой, выпущенной в 1961 году «Психоанализ: его образ и публика». Этим термином Московичи попытался обновить теорию Э. Дюркгейма о коллективных представлениях. Так он пишет об этом понятии: «Социальные представления – это система значений, идей и практик, которые используются для установления социального порядка и облегчения коммуникации»¹⁰. Но если Дюркгейм, говорит о коллективных представлениях как о надындивидуальных феноменах сознания, выполняющих интегративную функцию, то Московичи приходит к выводу, что представлений может быть множество и они могут уживаться или же конкурировать между собой в одной группе и даже в отдельном человеке. Московичи попытался понять какие представления о психоанализе существуют в массовом сознании французов. В вопросе о технологиях теория социальных представлений также показывает свою полезность. Социальные представления о технологиях могут выражаться в различных формах: от принятия до сопротивления. Достаточно хорошими примерами этого могут быть опасение людей по поводу атомной энергетики или же миф о вреде ГМО-продуктов, все это лежит в области социальных представлений.

Теперь перейдем к понятиям «утопия» и «антиутопия». Термин «утопия» обычно переводят как «место, которого нет» (ou – отрицательная частица, topos – место). Однако Виктор Вахштайн ставит данный перевод под

¹⁰ Moscovici S. Foreword // Health and Illness: A Social Psychological Analysis. London: Academic Press, 1973. P. 12.

вопрос. Утопия – это, скорее, «место, которого не может быть»¹¹. Надо учесть, что Мор был хорошо знаком с различием у Платона абсолютного небытия (у-кон) и относительного (ме-кон), поэтому Вахштайн считает, что уже для Мора утопия была тем, что не может существовать в реальности, а только как идеальная мысленная конструкция. Но тем не менее утопия несет в себе теоретическую ценность и здесь речь идет о том, что Макс Вебер называл идеальной типической конструкцией. Строя знания об обществе мыслители часто прибегают к утопическому мыслительному эксперименту, так Гоббс не выводит естественное состояние из исторической действительности, а с помощью мысленного эксперимента, в ходе которого он, конечно же, строит утопию. То же самое делает и Макс Вебер, когда описывает средневековый город, он строит идеальную конструкцию города.

Утопия приходит и в наше мышление о технологиях. У современных авторов это очень ярко проявляется у Патриса Флиши – автора концепта *social imaginary*, который будет довольно важен для нашего дальнейшего исследования. Он воспринимает идеи о соотношении идеологического и утопического мышления у Карла Мангейма и Поля Рикера. Оба мыслителя, что Рикер, что Мангейм исходили из одного представления о том, что идеология не в жесткой позиции противопоставлена реальности, так как реальность в которой мы живем с неизбежностью опосредована знаками. Мангейм проводит исторический анализ понятия «идеология», естественно он указывает, что изначально данное понятие появляется во Франции: «Идеологами называли, как известно, сторонников одной философской школы во Франции, которые вслед за Кондильяком отвергли метафизику и пытались обосновать науки о духе с антропологических и психологических позиций»¹².

Отголоски такого понимания идеологии можно найти и в современных словарных источниках: ««Идеология (греч. – учения об идеях) – согласно

¹¹ См.: Вахштайн В. Социология и утопия [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/video/20720> (дата обращения: 24.03.2018)

¹² Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. С. 69.

направлению во французской философии периода Великой революции, метод установления практических правил воспитания, этики и политики посредством точного познания физиологической и психической организации человека и физического мира»¹³.

Основной фигурой данного направления являлся Антуан Дестют де Трасси, автор работы «Элементы идеологии» (в русском издании известна под названием «Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова»). Как видно, идеология изначально имела просвещенческий оттенок, который, как указывает Мангейм, поставил под сомнение Наполеон, он пишет: «Понятие идеологии в современном его значении зародилось в тот момент, когда Наполеон пренебрежительно назвал этих философов (выступавших против его цезаристских притязаний) «идеологами». Тем самым это слово впервые получило уничижительное значение»¹⁴. Данное уничижительное значение в употреблении понятия «идеология» переходит и в последующую философскую мысль, в первую очередь, марксизм.

Мангейм считает, что Наполеон, вкладывая пренебрежительный смысл в самоназвание своих идейных противников пытается «уничтожить» их, через дискредитацию их способа мышления. Таким же образом происходит дискредитация «буржуазного мышления», возникает идеология как ложное сознание. Проблема состоит в том, что по мере распространения понятия «идеология» оно перестает быть достоянием только левых философов, его перенимают и «буржуазные» мыслители, чтобы показать идеологичность социалистического мышления. В итоге, Мангейм предлагает отвлечься от «партийности» в мышлении и признать, что идеология – это все-таки попытка постигнуть реальность, но она стремится сохранить существующий порядок и образ жизни. Утопия же напротив, обладают преобразующим воздействием, идеи, которые являются «местом, которого нет», направлены на то, чтобы «взорвать» существующий порядок, например, «утопией

¹³ Губский Е.Ф. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 298.

¹⁴ Мангейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. С. 87.

поднимающейся буржуазии была идея «свободы». В определенном смысле она была подлинной утопией, т. е. содержала элементы, которые взрывали структуру данного социального бытия с целью создания нового порядка и после утверждения названной идеи были частично реализованы»¹⁵. Проблема в том, что часто идеология и утопия довольно похожи. Мангейм описывает итоги буржуазной утопии: «Сегодня, когда эти утопии стали действительностью, нам доподлинно известно, в какой мере в этой идее свободы содержались не только утопические, но и идеологические элементы»¹⁶. Таким образом, он показывает, как утопическое мышление заменяется идеологическим, когда носители утопии добиваются власти.

Эту идею Патрис Флиши, как мы уже отмечали выше, переносит на мышление о технологиях. Согласно его мнению, взаимодействие утопии и идеологии прослеживается в процессе создания технологий. В своем интервью он говорит: «Утопии образуют общую культуру; основываясь на них, дизайнеры и разработчики могут представить себе, как будут выглядеть их будущие проекты... Идеологию используют, чтобы узаконить новую технологию, привлечь и интегрировать пользователей, заложить основу для использования инновации»¹⁷. Все это включается в его концепцию *imaginaries* (фр.), что на английский язык переводят как *social imaginary*. И оригинальное название, и его перевод на английский в русском языке обычно имеет значение воображения. Флиши считает, что через практику воображения различные заинтересованные лица определяют каким образом, будет осуществляться развитие технологии: «Развитие новой технологии зависит от всех заинтересованных лиц, которые должны прийти к компромиссу и определить рамку применения технологии»¹⁸. Но через данную концепцию Флиши пытается осмыслить интернет-технологии, а в

¹⁵ Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. С. 111.

¹⁶ Там же. С. 113

¹⁷ Флиши П. концепция *social imaginary* [Электронный ресурс] URL:

http://clubforinternet.net/school_18/current/discourse/3/1 (дата обращения 1.04.2018)

¹⁸ Там же.

данном параграфе речь идет о предпосылках утопического и антиутопического мышления о технологиях в двадцатом веке. Но концептуальные инструменты, которые дает Флиши, чрезвычайно полезны и для исследования восприятия других технологий.

Более или менее известные нам технологии имеют автора-изобретателя, который обычно скрыт от большинства, но нередки случаи, когда изобретателя все хорошо знают, например, всем хорошо известны фигуры Гуттенберга, Маркони, Тесла, Эдисона. Так или иначе, когда нам известен изобретатель, мы можем попытаться проследить его замысел относительно его изобретения. Так мы легко можем найти, что Гульельмо Маркони думал о своем изобретении, когда в интервью журналу «Technical World Magazine» в октябре 1912 года он говорил: «В течение следующих двух поколений мы будем иметь не только беспроводную телеграфию и телефонию, но также беспроводную передачу всей мощности для индивидуального и корпоративного использования, беспроводного нагрева и света, а также беспроводного удобрения полей... Когда все это будет достигнуто, а это безусловно случится – человечество будет свободным от многих из бремени, налагаемых нынешними экономическими условиями»¹⁹. Все это приводит Маркони к выводу о том, что «в беспроводную эпоху правительство ключевых источников энергии. Это, естественно, приведет к публичной собственности железных дорог, телеграфных и телефонных линий, больших океанских судов и крупных заводов и фабрик. Это сместит существующие огромные корпорации и приведет к полусоциалистическому государству»²⁰. Основываясь на этом, интересным является факт, что Маркони приветствовал фашистский режим в Италии и даже вступил в Национальную фашистскую партию. На примере Маркони хорошо видно, что у изобретателей вполне могут наблюдаться свои чаяния насчет своих изобретений, свои утопические проекты. Но дело в том, что такие проекты

¹⁹ Narodny I. Marconi's plans for the world [Электронный ресурс] URL: <https://earlyradiohistory.us/1912mar.htm> (дата обращения 1.04.2018)

²⁰ Там же.

могут быть не только у изобретателей. Пользователи технологий также могут предъявлять к технологиям свои претензии и переформатировать их под свои нужды. У людей использующих технологии могут быть и альтернативные представления насчет них, и другие утопические проекты. Не зря выше был приведен Хайдеггер, который описывал риски современной техники. Как уже говорилось, следующий условный нарратив представлений о технологиях – антиутопический.

Антиутопия, в сущности, стала деконструкцией утопии как жанра. Одни из его первых представителей Е. Замятин и О. Хаксли берут привычный жанр за основу и меняют его до неузнаваемости. Так Жаданов Ю.А. указывает на некоторые новшества, которые вводят в жанр эти авторы: «В негативной утопии изображается традиционно совершенное общество, в котором автор на современном материале реализует основные положения позитивной утопии, придавая им законченный абсурдный вид; изменяется основной художественный конфликт произведения: вместо традиционного (между мечтой и действительностью) на первое место выдвигается конфликт между Личностью и Системой... Главное место в романах Замятина и Хаксли занимает проблема счастья и свободы человеческой личности: реализация идеала счастливой, обеспеченной жизни на практике оказывается профанацией мечты и счастья, ведет к тоталитарному бесчеловечному обществу»²¹.

Как литературный жанр антиутопия приобретает популярность после Первой мировой войны. После неё выходят все основные произведения жанра: «Мы» Замятина Е.И. в 1920 году, «О дивный новый мир» О. Хаксли в 1932 году, третий важнейший антиутопический роман Дж. Оруэлла «1984» выходит после Второй мировой в 1949 году. Мировые войны показали человеку, насколько смертельным может быть развитие технологий и насколько обманчивы были представления о господстве человека над

²¹ Жаданов Ю.А. Антиутопия XX века: этапы большого пути [Электронный ресурс] URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/zhadanov-antiutopiya-hh-veka.htm> (дата обращения 2.04.2018)

техникой. После войны рухнула вера в рационализм, а вместе с ним и вера в прогресс. Намного позднее Э. Фромм напишет, что опыт пережитой мировой войны станет фундаментальным для его дальнейших философских поисков: «Тогда для меня возник жгучий вопрос, который преследует меня по сей день. Как это возможно? Чтобы миллионы людей убивали друг друга ради явно иррационалистических целей или из политических соображений, от которых каждый отдельный человек настолько далек, что сознательно никогда не стал бы жертвовать собой, и понадобилось четыре года совершенно бесчеловечной жизни, пока кончился этот кошмар»²². Фромм не одинок в этом. Целое поколение являлось свидетелями краха веры в прогресс, утраты веры в рациональность, крушения проекта Просвещения.

Как уже говорилось, роль техники и технологии в господстве человека над природой также ставится под сомнение. Хайдеггер, по вопросу техники, был практически единодушен со Шпенглером – провозвестником краха просвещенческого проекта. Так у Шпенглера по поводу «машинной цивилизации» Запада можно найти такие слова: «Все органическое подлежит тотальной организации, искусственный мир пронизывает и отравляет мир естественный. Сама цивилизация стала машиной, которая все делает или желает делать, но образу машины. Мыслят теперь исключительно лошадиными силами. *Во всяком водопаде видят только возможность электростанции*»²³. При удивительной схожести подходов они все-таки делают разные выводы. Шпенглер говорит о пресыщенности западного человека машинной жизнью, что приводит к отвращению лучших людей от научной и технической деятельности, а просвещение народов, которые Шпенглер называет цветными, также приближает конец западной цивилизации, «фаустовского человека» как его называет сам философ. Технологии лишь орудия, которыми народы, ранее колонизированные Западом, будут мстить эксплуататорам, а для европейца – это внутренняя

²² Фромм Э. Во имя жизни // Философия и жизнь. М.: Знание, 1992. С. 17.

²³ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век: антология. М.: 1995. С. 478

потребность: «Для цветных – а в их число входят и русские – фаустовская техника не является внутренней потребностью... Для «цветного» она лишь оружие в борьбе с фаустовской цивилизацией, что-то вроде времянки в лесу, которую оставляют, когда она выполнила свою функцию. Машинная техника закончится вместе с фаустовским человеком, однажды она будет разрушена и позабыта»²⁴. Отвлекаясь от националистических предпочтений Освальда Шпенглера, отметим бесспорную значимость его мысли о технике. Техническая антиутопия Шпенглера показывает диалектический процесс: человек не может жить без техники, но она в конце концов выступит в роли могильщика его цивилизации.

Технологии играют важную роль и в романах-антиутопиях. В романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» идеальное общество благодарно технологии Форда и даже рождение детей стало контролируемым промышленным производством – они выращиваются в инкубаторах. В его более позднем романе «Остров» общество Палы противопоставляет себя машинной цивилизации Запада, хоть и не полностью отказывается от технологий, но адаптирует их под свои нужды. Противопоставление искусственного машинного мира и естественного наблюдается и в романе «Мы». Образ общества у Замятина являет собой город-механизм, где регламентации и механизации подверглись все стороны жизни от трудовой до сексуальной: «Человек перестал быть диким животным только тогда, когда он построил первую стену. Человек перестал быть диким человеком только тогда, когда мы построили Зеленую Стену, когда мы этой Стеной изолировали свой машинный, совершенный мир – от неразумного, безобразного мира деревьев, птиц, животных»²⁵. Тем не менее Замятин, как и Шпенглер, иллюстрирует усталость человека от машинного мира и его стремление к «неразумному» дикому миру. Группа заговорщиков стремится подорвать Зеленую стену и впустить дикую природу в машинный мир. Эти

²⁴ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век: антология. М.: 1995. С. 480.

²⁵ Замятин Е.И. Мы. М.: АСТ, 2005. С. 34.

конфликты «искусственного» мира, созданного человеком и «естественного» природного вместе с кризисом рационализма, свидетельствует и о сомнениях по поводу установки, гласящей о господстве человека над природой.

После Второй мировой войны появляются антиутопии коммуникационных технологий и это хорошо видно по роману Джорджа Оруэлла «1984». Важной технологией для повествования Оруэлла является телекран – устройство, которое одновременно является орудием пропаганды и наблюдения за жителями государства, вступившими в партию, что превращало их жизнь в обществе в своеобразный паноптикум: «Телекран работал на прием и на передачу. Он ловил каждое слово, если его произносили не слишком тихим шепотом; мало того, покуда Уинстон оставался в поле зрения мутной пластины, он был не только слышен, но и виден. Конечно, никто не знал, наблюдают за ним в данную минуту или нет. Часто ли и по какому расписанию подключается к твоему кабелю полиция мыслей – об этом можно было только гадать. Не исключено, что следили за каждым – и круглые сутки»²⁶.

У Оруэлла также прослеживается тяга к естественности. Партийному функционеру, связанному множеством ограничений противопоставлены пролы – низко образованные жители общества, призванные работать на производстве. Они в отличие от членов партии свободны от телекранов и запретов и в своих отдельных кварталах живут в своеобразном «естественном состоянии». Главный герой романа говорит о них: «Если есть надежда (писал Уинстон), то она в пролах. Если есть надежда, то больше ей негде быть: только в пролах, в этой клубящейся на государственных задворках массе, которая составляет восемьдесят пять процентов населения Океании, может родиться сила, способная уничтожить партию»²⁷.

Таким образом, в большинстве антиутопических произведений наблюдается потеря веры в идеалы Просвещения и Нового времени. Как уже

²⁶ Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, Neoclassic, 2013. С. 25.

²⁷ Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, Neoclassic, 2013. С. 163.

отмечалось, это наблюдается и у ряда мыслителей двадцатого столетия. Кроме Шпенглера и Хайдеггера это можно наблюдать у представителей Франкфуртской школы, а именно у М. Хоркхаймера и Т. Адорно, которые в своей работе «Диалектика Просвещения» подвергают критике проект Просвещения, который они называют утопией. Просвещенческий проект, пишут франкфуртцы, ставил перед собой задачу покорение природы, а также построение непротиворечивой модели научного знания, желательного на основе математических наук, из этого вытекала необходимость избавления мышления от мифов. Утопический проект Просвещения в конце концов должен был привести к идеальному общественному устройству: «Понятие разума в качестве трансцендентального сверх-индивидуального Я содержит в себе идею свободной совместной жизни людей, реализуя которую они организуются во всеобщий субъект и ликвидируют разногласия, существующие между чистым и эмпирическим разумом, в сознательной солидарности общего дела»²⁸. Тем не менее, утопия Просвещения превращается в антиутопию. Стремление к демифологизации приводит к построению сциентистской мифологии с культом науки и разума, а стремление к освобождению через разум приводит к созданию тоталитарной системы. Эту диалектику хорошо демонстрировал другой мыслитель – Исайя Берлин. Согласно идеалу Просвещения, разум и свобода состоят в довольно тесной связи, и когда свободные и разумные граждане начинают формировать государство, то у них не должно возникнуть разногласий так как на основе разума они придут к одинаковым принципам построения государства, так как они всеобщие: «Законодатель или правитель должен исходить из того, что, если закон, который он устанавливает, разумен (тут он советуется только с собственным разумом), его автоматически одобряют все члены общества в той мере, в какой и они разумные существа»²⁹. Но

²⁸ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. СПб.: Медиум, Ювента, 1997. С. 107.

²⁹ Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 162.

возникает проблема, согласно которой не все могут принять эти законы, но тогда получается они не разумны и их следует превратить в разумных, даже если для этого потребуются насилие. Вопрос о нарушении свободы индивида не является значимым, так как согласно логике, которую демонстрирует Берлин неразумный человек является несвободным: «Если вам не удалось дисциплинировать себя, я должен сделать это для вас, и вы не можете жаловаться на отсутствие свободы, ибо тот факт, что кантовский рациональный судья отправил вас в тюрьму, свидетельствует о том, что вы не услышали собственный внутренний разум»³⁰.

Именно идеал Просвещения, по мнению Хоркхаймера и Адорно, приводят к возникновению великих тоталитарных режимов, среди которых фашизм и национал-социализм. Стремление распространить на всех идеал единого разума приводит к этому. Технологии же, в свою очередь, вызывают риск утраты себя (о которой также говорит Хайдеггер, который оказывал сильное влияние на Г. Маркузе), отчуждения.

Происходит унификация и индустриализация всего, не остается исключением и культура. Развитие технологий медиа приводит к тому, что искусство становится механически повторяемым и утрачивает свою ауру³¹, а после и вовсе становится товаром, так как экономика активно вторгается в культуру. Масс-медиа в свою очередь становятся инструментом господствующих классов, через которые они транслируют мифы и идеологию, которые призваны сохранять статус-кво существующего порядка: «Сегодня культура на все накладывает печать единообразия. Кино, радио, журналы образуют собой систему. Каждый в отдельности ее раздел и все вместе выказывают редкостное единодушие. Даже противоположные по политической направленности эстетические манифестации одинаковым

³⁰ Там же.

³¹ См. Беньямин В. Краткая история фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 60 – 114.

образом возносят хвалу общему стальному ритму»³². Общий стальной ритм – это ритм механистического общества, выковывающего одномерного человека, узкая специализация и прикованность к своей профессии которого не позволяет ему полностью раскрыть свой человеческий потенциал.

Таким образом, по мнению представителей Франкфуртской школы, утопический проект Просвещения если не потерпел полный крах, то явно привел к совершенно неожиданным последствиям. Для них было характерно представлять себе современное общество как предельно машинизированное и механизированное, что как раз и является причиной этой одномерности. Другой подход мы можем наблюдать у Маршалла Маклюэна. Если франкфуртцы описывают апофеоз массовизации и специализации человека, то Маклюэн, как и Шпенглер, заявляет о смерти проекта Просвещения. Связывает он это в первую очередь с электрическими средствами коммуникации.

Главным тезисом, или афоризмом, Маклюэна принято считать высказывание «The Medium is the Message», что обычно переводят как «Средство коммуникации есть сообщение». Это высказывание чаще всего трактуется следующим образом, Маклюэн предлагает отвлечься от содержания медиа, так как в конце концов ««содержанием» любого средства коммуникации всегда является другое средство коммуникации... содержанием письма является речь, точно так же, как письменное слово служит содержанием печати, а печать – содержанием телеграфа»³³ и обратить внимание на само средство коммуникации, тогда нам станет ясно, что «именно средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия»³⁴.

³² Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. СПб.: Медиум, Ювента, 1997. С. 149.

³³ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014. С. 10.

³⁴ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014. С. 11.

Вдохновитель Маклюэна – Гарольд Иннис одним из первых связал изменения в коммуникационных технологиях с изменениями в социально-политических практиках людей. Маклюэн пошел дальше и в дополнении к взгляду Инниса он связывает трансформации медиа с изменениями сенсорных установок человека. Первая медиа-революция произошла с изобретением и распространением фонетического алфавита: ««фонетический алфавит ударил как бомба»³⁵. Алфавит делает человека более визуально ориентированным. Окончательную победу визуального обеспечило изобретение печатного станка: «Если фонетический алфавит ударил как бомба, то печатный станок обрушился как 100-мегатонная водородная бомба»³⁶. Для Маклюэна Просвещение в каком-то смысле было порождением печатного станка, также эта технология завершила становление человека-специалиста, одномерного, как про него сказал бы Маркузе. Так Маклюэн пишет: «В социальном плане книгопечатное расширение человека принесло с собой национализм, индустриализм, массовые рынки, всеобщую грамотность и всеобщее образование»³⁷. А в интервью Маклюэна журналу Playboy возможно найти следующие слова: «Ускорение информационных потоков, вызванное просвещенным национализмом, усилило специализацию, основанную на фонетической грамотности и воспитанную Гутенбергом, сделав ненужными такие энциклопедические фигуры как Бенvenuto Челлини – ювелир-наемник-художник-скульптор-писатель»³⁸. С приходом последней медиа-революции, связанной с электронными средствами, механизированный мир модерна начинает разрушаться. Если человек-специалист механизированной гуттенберговской эпохи научился действовать

³⁵ Теории и практики. Интервью с Маршаллом Маклюэном в журнале PLAYBOY 1969 года. [Электронный ресурс] URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy (дата обращения 4.04.2018)

³⁶ Там же.

³⁷ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014. С. 195.

³⁸ Теории и практики. Интервью с Маршаллом Маклюэном в журнале PLAYBOY 1969 года. [Электронный ресурс] URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy (дата обращения 4.04.2018)

отстраненно и ни во что не вовлекаясь, то с триумфом электронных медиа такая позиция перестает быть актуальной: «Из технологии письменности западный человек научился действовать, ни на что не реагируя <...> В эпоху электричества, когда наша центральная нервная система, технологически расширившись вовне, вовлекает нас в жизнь всего человечества и вживляет в нас весь человеческий род, мы вынуждены глубоко участвовать в последствиях каждого своего действия»³⁹. Шпенглер пророчил конец западной машинной цивилизации под напором «дикарей», Маклюэн же в технологиях электронных медиа видит возвращение племенной жизни, ретрайбализацию мирового общества, которое становится глобальной деревней.

На первый взгляд, концепт глобальной деревни Маклюэна может показаться довольно утопичным, так как образ неразделенного мирового сообщества, жители которого глубоко вовлекаются в жизнь друг друга оказывается не самой плохой перспективой. Да и Маклюэн, видимо основываясь на трудах современных ему антропологов, строит образ племенного человека, который живет более сложной и, возможно, полной жизнью чем человек-специалист эпохи Гуттенберга. Но, все не так положительно, как может показаться на первый взгляд. По мнению Маклюэна, кроме того, что столкновение механизированной культуры Запада и электронной технологии порождает ряд проблем, связанных с приспособлением под новые реалии, (например, образовательная программа ведущая свои корни из эпохи Просвещения уже не подходит для «детей телевидения»), так еще и глобальная деревня несет в себе ряд конфликтов. Это довольно логичное предположение, потому как механистическая эпоха, сиречь эпоха Просвещения порождает единообразие, а племенной дух электронной эры порождает разнообразие и одновременно острую близость друг к другу, что естественно не может обойтись без конфликтов: «Я никогда

³⁹ Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014. С. 6.

не думал, что в «глобальной деревне» будут царить единообразие и умиротворенность. В ней больше неприязни и зависти. Между людьми исчезло пространство и время. Это мир, в котором люди сталкиваются постоянно. Родоплеменная глобальная деревня порождает больше расколов и распрей, чем любой национализм. Деревня всегда означает глубокий разрыв, а не слияние»⁴⁰.

Сам Маклюэн признавался, что он более всего тяготеет к визуально-ориентированному человек эпохи Просвещения, но как исследователь он должен занимать нейтральную и отстраненную позицию, а как уже было сказано выше способность занимать отстраненную позицию – это как раз способность человека эпохи Гуттенберга. «Дитя телевидения» не может с такой же отстраненностью погружаться в современные ему медиа, в этом преимущество человека-специалиста.

Тем не менее, если еще раз взглянуть на интервью Маклюэна журналу Playboy, то станет ясно, что в связи с исследованиями электронных медиатехнологий он строил утопический проект и в этом заключался пафос многолетнего построения его мозаики. Чтобы это понять необходимо рассмотреть его метафоры **зеркала заднего вида** и **технологий как богов**.

Как мы уже указывали выше, Маклюэн не имел симпатий к современным ему медиа и начинал как их критик, но в дальнейшем заняв нейтральную позицию он стал объяснять позицию критиков через метафору **зеркала заднего вида**: «Большинство, как я только что сказал, по-прежнему смотрит на мир как бы через **зеркало заднего вида**. Я имею в виду, что из-за «невидимости» перемен в момент обновления мироустройства, люди сознают только тот уклад, который предшествовал обновлению. Иными словами, мироустройство становится всем очевидным только в момент, когда его вытесняет новое мироустройство, и мы, тем самым, всегда на один шаг отстаём от реального мира. Поскольку всякая новая технология нас оглушает, мы становимся более чуткими к технологии, которая ей

⁴⁰ Marshall McLuhan, Gerald E. Stearn McLuhan: Hot and Cool. New York: Dial, 1967. P. 279.

предшествовала»⁴¹. Смотри в зеркало заднего вида понимание новых революционных изменений новых технологий ускользает от нас, а от непонимания этого рождается шок и страх перед изменениями, которые в электрическую эпоху становятся постоянными.

С другой стороны, непонимание технологий может привести нас в слепое подчинение своим технологиям: ««Непрерывно заключая технологии в свои объятия, мы привязываем себя к ним как сервомеханизмы. Именно поэтому мы, чтобы вообще пользоваться этими объектами, должны служить им – этим расширениям нас самих – как богам или в некотором роде святыням. Индеец служит сервомеханизмом своего каноэ, ковбой – для своей лошади, а руководящий работник – для своих часов»⁴².

Маклюн считает, что, обеспечивая понимание медиа возможно снизить риски от технологических потрясений. Ведь если мы поймем, что «Медиум есть сообщение», а все технологии суть расширения нас самих, то мы перестанем служить своим расширениям как богам, а научимся управлять ими: «Центральной целью всей моей работы является передача послания, говорящего о том, что понимая медиа и то, как они расширяют человека, мы получаем возможность контролировать их»⁴³. Более того в чаяниях Маклюэна проскакивают моменты христологической утопии, связанной с развитием электронных технологий, а именно компьютерных: «Настоящим предназначением компьютеров, в отличие от быстрого маркетинга или решения технических проблем, является ускорение процесса открытия и управления земными, а в итоге и галактическими, средами и энергиями. Всеобщая психическая интеграция, возможная наконец благодаря электронным медиа, может создать общность сознания, предвиденную Данте

⁴¹ Теории и практики. Интервью с Маршаллом Маклюэном в журнале PLAYBOY 1969 года. [Электронный ресурс] URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy (дата обращения 4.04.2018)

⁴² Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014. С. 56.

⁴³ Теории и практики. Интервью с Маршаллом Маклюэном в журнале PLAYBOY 1969 года. [Электронный ресурс] URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy (дата обращения 4.04.2018)

в его предсказаниях о том, что человек будет существовать в расколотом и фрагментированном виде, пока не соединится с всеобъемлющим сознанием. В Христианском смысле, это лишь новая интерпретация мистического тела Христа, а Христос, в конце концов, последнее расширение человека»⁴⁴.

Таким образом, в работах одного из важнейших исследователей коммуникационных технологий (который будет влиять и на интернет-исследования) прослеживается мощный утопический посыл. Откуда же он берется? Антиутопический нарратив в представлениях о технологиях, как мы уже показали берется из сомнения или отрицания ценностей Просвещения, проекта модерна. Эпоха Просвещения с его верой в возможность рационального преобразования общества и человека в лучшую сторону явилась золотым веком утопического мышления. Маклюэн же в построении своей утопии стремится сохранить достижения проекта Просвещения, не дав ему окончательно погибнуть в племенной жизни, вызванных новыми медиа.

В итоге, исходя из рассмотренных примеров можно сделать вывод, что условные утопический и антиутопический нарратив в представлении о технологии являются естественной частью дискуссии в двадцатом веке о кризисе модерна и идеалов Просвещения. Технические достижения цивилизации становятся предметом споров и обсуждений и отголоски этих споров, мы найдем в спорах о современных нам коммуникационных технологиях.

⁴⁴ Теории и практики. Интервью с Маршаллом Маклюэном в журнале PLAYBOY 1969 года. [Электронный ресурс] URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy (дата обращения 4.04.2018)

1.2. Особенности генезиса Интернета как повод для постановки проблемы метаморфоз демократии

Утопические проекты наблюдаются и в сфере цифровых медиа и зарождаются они с постепенным развитием сетевых технологий. Для того, чтобы это продемонстрировать мы обратимся к двум историям развития Интернета, которые нам рассказали Мануэль Кастельс и Патрис Флиши.

По сути оба исследователя сходятся в основных моментах, но они расходятся в некоторых особенностях анализа и выводах. Начнем с некой исторической фабулы, которой придерживаются оба исследователя.

Все начинается с этапов первоначального построения системы, связанной с военными разработками, которые ковались в горне Холодной войны. В 1958 году военным ведомством США было создано Агентство перспективных исследовательских проектов (Advanced Research Projects Agency) сокращенно ARPA⁴⁵. Как можно догадаться данная организация занималась разработкой передовых военных вооружений, но у неё была одна особенность. ARPA не является учреждением напрямую занимающимся исследованиями, это учреждение, которое занимается проектами для выполнения которых могут привлекаться различные университеты, научные лаборатории, корпорации. Поэтому агентство имеет гибкую структуру, в которой менеджер программ во время разработки проекта обладает довольно большими полномочиями, чтобы использовать финансирование и привлекать определенные исследовательские организации как государственные, так и частные⁴⁶. По всей видимости эти задачи требовали мощного коммуникационного инструмента, объединяющего многие учреждения, и он

⁴⁵ Агентство в ходе истории несколько раз переименовывалось сначала в DAPRA (Defense Advanced Research Projects Agency) в 1972 году, затем обратно в APRA в 1993, а потом снова DAPRA в 1996 году.

⁴⁶ См. Попова Е. В. Организационная структура и механизмы функционирования управления перспективных исследовательских проектов министерства обороны США (DARPA). Возможное использование опыта DARPA для России // Инновации. 2010. №11. С. 5-10.

был найден в сети Arpanet, разработанной Управлением по технологии обработки информации (Information Processing Techniques Office – IPTO). Сетевая технология не была изначально единой и строилась на основе разных технологий и изобретений.

IPTO в ходе создания интерактивной компьютерной сети воспользовалась технологией коммутации пакетов, которые были вне зависимости друг от друга разработаны Полом Бараном из Rand Corporation и Дональдом Дэвисом из British National Physical Laboratory. С именем Пола Барана связан один из самых популярных мифов о Интернете как изначально военной разработки: «Замысел Барана о создании децентрализованной гибкой сети связи был положен Rand Corporation в основу предложения Министерству обороны о построении системы связи военного назначения, способной выдержать ядерный удар, хотя это никогда не считалось целью разработки ARPANET»⁴⁷.

Вторым значимым моментом было включение уже существующих сетей в состав Arpanet, именно тогда рождается концепция «сети сетей». Становится это возможным благодаря тому, что группа ученых в которую входил Винт Сёрф, автор статьи о базовой архитектуре Интернета, разработала протокол TCP (протокол управления передачей). После этого протокола был разбит на две части, а к нему добавлен протокол IP. TCP/IP по сей день является протоколом на котором работает современный Интернет, поддерживая децентрализованную работу «сети сетей».

Важным моментом в истории появления Интернета являются восьмидесятые годы, когда Arpanet перестает быть связана с военными: «В 1983 году Министерство обороны, обеспокоенное возможностью нарушений системы безопасности, решило создать отдельную сеть сугубо военного назначения – MILNET. Arpanet превратилась в ARPA-INTERNET, служившую выполнению научно-исследовательских задач. В 1984 году

⁴⁷ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 20.

Национальным научным фондом США (NSF) была создана собственная компьютерная сеть связи NSFNET, а с 1988 года он стал использовать ARPA-INTERNET в качестве своей магистральной сети»⁴⁸. Кроме того, в восьмидесятые годы происходит еще ряд важных изменений. Процесс распространения персональных компьютеров, связанных с компанией IBM, приводит к тому, что программисты начинают экспериментировать с созданием своих собственных сетей. В 1977 году двое студентов из Чикаго создают программу MODEM, с помощью которой становится возможным обмениваться файлами между персональными компьютерами, после же они создают BBS (Bulletin Board System) – электронную доску текстовых объявлений, которые стали предком современных форумов и комментариев под записями в социальных сетях. На основе BBS формируется Fidonet – популярная любительская компьютерная сеть. Эти технологии отличались тем, что для их использования были необходимы только телефонные линии, а также, что данные сети использовались и распространялись бесплатно (если не считать оплату за телефонную связь). Кастельс считает эти технологии «низовыми» традициями организации компьютерных сетей. Со стороны университетов также появляются сети для общения, одной из таких стал Usenet, который, в свою очередь, стал одной из частей NSFNET.

Также одним из важнейших факторов, оказавшим влияние на развитие Интернета послужило создание операционной системы UNIX: «UNIX превратилась в *lingua franca* для большинства факультетов компьютерных наук, и студенты в скором времени научились превосходно с нею обращаться»⁴⁹. Как и для низовых традиций организации компьютерных сетей форма распространения этой операционной системе была свободной и не требовала денег. Более того Кастельс указывает, что важной традицией среди пользователей UNIX стало движение за открытые исходники. Важно

⁴⁸ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 25.

⁴⁹ Там же. С. 27.

отметить, что благодаря этой операционной системе и стало возможно создание сети Usenet.

Последними важными шагами в становлении Интернета стала его постепенная приватизация и появление гипертекстовой системы World Wide Web. Приватизация происходит в девяностые годы, тогда Интернет-провайдеры на коммерческой основе начинают создавать собственные шлюзы. Изобретение систем World Wide Web, совершенное внутри научного центра CERN запустило широкую разработку браузеров для просмотра содержимого веб-страниц.

В социальном плане Кастельс видит в процессе становления Интернета удивляющие его особенности: «Интернет был рожден в результате кажущегося невероятным пересечения интересов большой науки, военных исследований и либертарианской культуры»⁵⁰. Не в последнюю очередь такое сочетание становится изначально возможным именно благодаря организационной структуре ARPA, которая предоставляла значительную свободу при реализации проектов, но при этом обеспечивала солидное правительственное финансирование, без которого о появлении сети не следовало и мечтать. Ведь на то время частным инвесторам этот проект не мог быть интересен из-за большого риска и неясности перспектив. Кастельс указывает, что традиции свободного использования сетей также способствовала дух свободы университетских кампусов: «Студенческая культура воспринимала компьютерные сети как средство свободного общения, а в наиболее политизированных своих проявлениях (Нельсон, Дженнингс, Столлмен) – в качестве орудия освобождения, которое вместе с ПК даст людям «силу информации», чтобы они смогли избавиться от власти правительства и корпораций»⁵¹.

⁵⁰ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 31.

⁵¹ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 40.

Мы уже упоминали восьмидесятые годы, когда становятся распространенными персональные компьютеры. Тогда на свет появляются низовые традиции организации сети, а также появляется культура хакеров, которая является культурой «с определенной системой ценностей и убеждений, появившейся в среде компьютерных программистов, взаимодействовавших друг с другом в режиме онлайн в рамках независимых проектов креативного программирования»⁵². У разработчиков UNIX, Fidonet, MODEM, BBS и World Wide Web не было никакой задачи стоящей от корпоративных или государственных учреждений, это была целиком их инициатива. Так разработчик Fidonet – Том Дженнингс создает эту сеть под себя, так как его не устраивала существующая технология BBS. У Тима Бернерса-Ли – создателя World Wide Web, в CERN не было задачи создать подобную сеть и он занимался этим по собственной инициативе, не предупреждая руководство.

В конце концов культура хакеров организовывала некую меритократическую традицию, в которой твое положение и авторитет в сообществе определяется твоим личным вложением в развитие Сети.

Влияют также на становление сети виртуальные сообщества, которые появляются в Сан-Франциско. Эти сообщества имеют сильные связи с контркультурой того времени: «В 1985 году в районе залива начала действовать одна из наиболее передовых конференц-систем WELL, созданная Стюартом Брэндом <...> Среди первых менеджеров, держателей серверов и спонсоров WELL были выходцы из сельских общин, компьютерные хакеры, а также многочисленные «дедхеды» – поклонники рок-группы Grateful Dead»⁵³. Во многом контркультурность этих общин определила их базисные ценности: «Первая из них – это ценность горизонтальной, свободной коммуникации. Практика виртуальных сообществ представляет собой практику глобальной свободы слова в эпоху

⁵² Там же. С. 58.

⁵³ Там же. С. 72

господства медийных конгломератов и цензур государственных бюрократий <...> Вторую общую для всех ценность, обязанную своим происхождением виртуальным сообществам, я бы назвал самонаправляемой организацией сети. Иными словами, это возможность для каждого найти его (или ее) собственное место в Сети, а если не получается, то создать его (или ее) собственную информацию и опубликовать ее в Интернете, тем самым иницируя появление новой сети»⁵⁴.

Не последнее место в истории развития Интернета Кастельса занимают предприниматели, которые помогали распространять и видоизменять его с помощью введения инноваций для последующего получения прибыли с них.

Такой демонстрирует историю Интернета Мануэль Кастельс. Как можно увидеть в его повествовании, Интернет – это точка сплетения множества заинтересованных сторон, которые в ходе развития по-разному влияли на него, прежде чем сама эта технология не начала видоизменять мир. История становления Интернета, рассказанная Кастельсом, представляет его как технологию поощряющую свободу и инициативу своих пользователей.

Как мы уже отмечали, немного другую историю рассказывает Патрис Флиши. Он также как Кастельс отмечает два важнейших этапа в развитии сети: это зарождение компьютерных сетей в недрах мира большой науки в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века и распространение компьютерных сетей среди пользователей компьютерных сетей в 80-е годы. Оба этих периода для Флиши связаны с двумя утопическими проектами компьютерных сетей, но кроме того Флиши видит еще один утопический проект, но об этом позже.

Первая утопия появляется в среде молодых академических ученых, связанных с ARPA и характеризуется Флиши как «утопии основания» (founding utopias). Важной особенностью начального периода, когда существует только данный утопический проект, является отсутствие

⁵⁴ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 73

противоречия между изобретателями и пользователями. Флиши пишет: «Инновационная структура находилась в нерыночном сообществе, в котором дизайнеры также были пользователями, поэтому за весь период создатели Интернета не подвергались давлению продать свою технику. Все, что им нужно было сделать – это разработать систему, способную удовлетворять их собственные потребности в рамках бюджета, основанного на государственном финансировании <...> Более того, обычное напряжение между дизайнерским и пользовательским *imaginaire* отсутствуют так как как обе эти группы совпадают»⁵⁵.

Кроме того, первоначально сеть Arpanet была сконструирована как коммуникационная сеть, призванная повысить производительность научной работы через её использование для обмена информацией. Но в свою очередь обмен информацией в сети часто касался не только отдельных исследовательских проектов, но и вопросов развития самой сети: «Так как ученые, специализирующиеся на компьютерах, связывали свои компьютеры в сеть для обмена информации, часто содержание их диалога касалось построения той же сети»⁵⁶. Из этого, как говорит Флиши, вытекают характеристики, некоторые из которых в дальнейшем повлияют на социальный облик Интернета.

Первая характерная особенность социального облика Интернета, которая берется из начального периода развития сети, связана, как раз, с идеалом «невидимого колледжа» (*invisible college*), который с появлением сетевых технологий стал распространяться на многие университеты и лаборатории, связывая людей с общими интересами.

Вторая характеристика, по Флиши, это меритократические принципы о которых также говорит и Кастельс. Это значит, что твой авторитет и твоя значимость в области компьютерных сетей определяются не академическими регалиями, а реальным вкладом в дело построения сети: «Дискуссия не

⁵⁵ Flichy P. The imaginary Internet: How Utopian fantasy shaped the making of a new information infrastructure // Business and Economic History. 2004. Т. 2. Р. 3.

⁵⁶ Там же. Р. 4.

может быть закрыта никакими авторитетными аргументами, и информация свободно распространяется, как это проявляется в «Запросах на комментарий» (Requests for comments⁵⁷) и новостных группах в Arpanet⁵⁸. Эта характеристика, если верить Кастельсу, после перетекает в культуру хакеров.

Третья характеристика заключается в том, что дело построения компьютерных сетей образуют сообщества, так как для индивидуальной работы эта область чересчур сложна.

Четвертая характеристика состоит в том, что сообщества ученых, работающие в Arpanet были закрытыми сообществами и действовали первоначально исключительно на территории Соединенных Штатов, но в дальнейшем стали проникать на территории других университетов. Неизменным оставалось некоммерческое использование сети: «Чтобы завоевать новые технологические возможности, пионерам в компьютерной области необходимо было быть защищенным от старого мира Великим Разделом»⁵⁹.

В историческом нарративе Кастельса мы видели, что использование Arpanet в среде университетских кампусов обладали значительной свободой, так он приводит пример, когда с помощью Arpanet студенты искали, где приобрести марихуану. Флиши указывает, что именно на периферии академического мира зарождается культура хакеров, которые, в свою очередь, станут одними из инициаторов появления новой утопии – утопии электронного сообщества (electronic community). Выше уже говорилось, что в нарративе Кастельса также можно проследить момент виртуальных сообществ, но то, что Кастельс выделяет как разные факторы, Флиши соединяет в один. Кастельс говорит о культуре хакеров отдельно, а влияние

⁵⁷ В форме Requests for comments предлагаются проекты (draft) в ходе которых будут заданы новые стандарты работы Сети.

⁵⁸ Flichy P. The imaginary internet: how Utopian fantasy shaped the making of a new information infrastructure // Business and Economic History. 2004. Т. 2. Р. 4.

⁵⁹ Там же Р. 5.

контркультуры объединяет с сообществом. У Флиши – это пути к становлению утопического проекта. Так утопия электронного сообщества возникает из трех течений, два из которых были связаны с хакерами. Первое из них – это желание построить свои сети на основе и по аналогу уже существующих университетских, вспомним BBS, Fidonet и т.д. Второе было порождено калифорнийской контркультурой, которая имела довольно мощные анархические и экологические активистские корни. Мы уже упоминали сообщество WELL (Whole Earth 'Lectronic Link), которое являлось одним из старейших «электронных сообществ». Его основатель Стюарт Брэнд – известный экологический активист, который в шестидесятых сподвиг НАСА сделать первую фотографию земли из космоса, открыл сообщество с лозунгом «Информация хочет быть свободной». Первыми членами этого сообщества был фанаты, выпускаемого Брэндом журнала об экологии и технологиях под названием «The Whole Earth Catalog», которые состояли в основном из людей связанных с субкультурами хиппи и хакеров. Окончательно это кристаллизуется в направлении развития электронных сообществ, которые менее локально привязаны и которые становятся международными.

Третий утопический проект связанный с интернет-технологиями, Флиши связывает с именем Говарда Рейнгольда – одного из участника сообщества WELL, редактора журналов являющимися идейными наследниками журнала Стюарта Брэнда (Whole Earth Review и Millennium Whole Earth Catalog), а также представитель, так называемых диджерати (digerati). Диджерати – это техноэлита, приобретающая авторитет благодаря тем меритократическим традициям о которых было сказано выше. Слово digerati образуется от слов digital и literati – литератор. Как можно догадаться – это интеллектуалы, которые во многом либо принимали участие в развитии и распространении цифровых технологий, либо осмыслили их влияние на общество. Рейнгольд является как раз тем, кто осмысляет это влияние. Так в России он больше известен как автор работ об умных толпах (smart mob).

В девяностые годы он публикует работу «Виртуальное сообщество», в которой анализирует историю развития и зарождения виртуальных обществ. Флиши видит переосмысление Рейнгольдом двух предыдущих утопий: «Он взял электронное сообщество и невидимый колледж в качестве социотехнических фреймов и поместил их в сферу отличной от ординарной коммуникации. Другими словами, он говорит, что было хорошо для контркультурных и университетских сообществ хорошо для общества в целом»⁶⁰. Флиши считает, что Рейнгольд сам не заметил, как стал основателем нового проекта универсального Интернета и с этого момента дискуссии о будущем технологии перестали быть прерогативой представителей университетов и субкультур.

Неполной история представлений об Интернете была бы без упоминания журнала *Wired* и тех мыслителей, которым его редакция дала слово. Об этом также писал Патрис Флиши. Журнал *Wired* был основан в знаковом для компьютерной культуры месте, в Сан-Франциско. Тематика журнала во многом касалась проблемы влияния компьютерных технологий на общество и культуру. Авторами многих колонок *Wired*, как раз были представители диджерати, но также редакторами журнала слово литераторам и мыслителям прошлого, которых на момент основания журнала уже не было в живых. Флиши указывает этих авторов: «Эти авторы соответствуют трем различным интеллектуальным течениям: мистики с МакЛюэном и Тейяром де Шарденом; футурологи – Элвин Тоффлер, Джордж Гильдер, Николас Негропonte и Питер Драккер); авторы научной фантастики Брюс Стерлинг, Уильям Гибсон и Нил Стефенсон»⁶¹.

Как можно увидеть, не зря МакЛюэн был упомянут в первом параграфе работы. Редакторы *Wired* называли его своим святым покровителем. Святой покровитель впечатлял своих последователей афористичностью своего мышления, но чем реально вдохновлял МакЛюэн, так это убежденностью в

⁶⁰ Flichy P. The imaginary Internet: How Utopian fantasy shaped the making of a new information infrastructure // *Business and Economic History*. 2004. Т. 2. Р. 9.

⁶¹ Флиши П. Воображаемое Интернета. // *Studia Culturae*. 2005. № 8. С. 270.

том, что технологии видоизменяют социальный и чувственный (сенсорный) миры.

Пьер Тейяр де Шарден - второй почитаемый мистик вдохновлял цифровых интеллектуалов концепцией ноосферы – высшей стадии развития биосферы, в которой человечество исполняет определяющую роль в развитии планеты. Шарден понимал ноосферу как некоторую оболочку мыслей над землей, единое информационное пространство Земли: «Земля не только покрывается мириадами крупинки мысли, но окутывается единой мыслящей оболочкой, образующей функционально одну обширную крупинку мысли в космическом масштабе»⁶². Коллектив Wired вдохновляла эта концепция и многие видели ее реализацию в технологии Интернета: «Чем больше соединение умов, тем сильнее сознание. Для меня именно в этом заключается настоящая цифровая революция. Это не история компьютеров или сети, это история человеческих умов, соединяющихся с другими умами»⁶³. Данная аналогия продолжает сохранять свою популярность и по сей день. Так среди публикаций, вышедших в России, мы можем найти статью 2015 года под названием «Интернет и ноосфера», в которой автор Павлов П.В. сравнивает Интернет и концепцию ноосферы русских космистов, находя сходства между ними⁶⁴.

Следующая группа мыслителей, которым Wired давала слово – это футурологи. Самыми авторитетными считались Элвин Тоффлер и Николас Негрепонтте (неудивительно, что в этом ряду числится Негрепонтте, он являлся одним из первых спонсоров Wired). Тоффлер являясь сторонником идеи постиндустриального общества, показывает как меняется способ производства, в котором знание и информация становятся основным фактором двигающим экономику. Но футурологи говорят и о другой важной

⁶² де Шарден П. Т. Феномен человека. М.: АСТ, 2012. С. 142.

⁶³ Цит. Россето Л. по Флиши П. Воображаемое Интернета. // *Studia Culturae*. 2005. № 8. С. 269-296.

⁶⁴ Павлов П.В. Интернет и ноосфера. // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 4-7 (9). С. 67-69.

вещи – метаморфозах власти в эпоху цифровых коммуникаций. Многие из них как раз связаны с новыми формами демократического управления не только в государственной сфере, но и корпоративной. Так, если источником власти национальных государств было богатство, которое может быть израсходовано, и насилие у которого также имеется предел, то знание никогда не может быть потрачено. Когда я делюсь знанием у меня не становится его меньше, оно остается у меня в полном объеме, точно также как и появляется в полном объеме у реципиента. Тоффлер заключает, что «знание – самый демократичный источник власти»⁶⁵.

Для Тоффлера монолитные структуры индустриального мира уже отживают свое, переходя к своеобразной мозаике и большому разнообразию. Это наблюдается у корпораций. Их структура, начинает состоять из множества предприятий, которые могут проводить относительно независимую политику. Для такого перехода существовало необходимое условие: «Микрокомпьютеры необходимо было объединить в сеть с центральными процессорами. Когда в 80-х годах это начало происходить, концепция прибыльных центров разгорелась»⁶⁶. То же самое происходит и в привычной сфере государства, если властные конструкции двадцатого века, в том числе и демократические, строились на управления массами, то в эпоху мозаики и растущего разнообразия само понятие «масса» переживает кризис. Динамичные мозаичные демократии требуют пересмотра концентрации власти, поэтому национальное государство находится в стадии упадка. В ходе своего интервью журналу *Wired* в 1996 году Тоффлер высказал оптимистичную позицию по поводу влияния интернет-технологий на демократию. Для Тоффлера «демократия масс» приходит к своему завершению, а в мире мозаичности и разнообразия становится все сложнее приходиться к общим решениям, в своем интервью Тоффлер говорит: «Та форма демократии, которая у нас есть сейчас является *массовой*

⁶⁵ Тоффлер Э. *Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века*. М.: АСТ, 2009. С. 116.

⁶⁶ Там же. С. 272.

демократией, которая является политическим выражением массового производства, массового распределения, массового потребления, массового образования, средств массовой информации, массового развлечения и всего остального. Сейчас происходит то, что общество становится демассифицированным, менее однородным и поэтому труднее достичь согласия большинства»⁶⁷. Для Тоффлера выход состоит в том, чтобы использовать современные компьютерные технологии для сочетания форм представительной и прямой демократии, что должно сгладить противоречия нового немассового мира.

О растущей многообразности мира говорил и святой покровитель Wired Маршалл Маклюэн. Более того, они вместе с Тоффлером склонны видеть с тенденцией к глобализации тенденцию к локализации и балканизации. Вот, что говорит об этом Маклюэн в своем интервью: «Электрические медиа стимулируют появление минигосударств <...> Эти государства являются прямой противоположностью традиционного централизованного национализма прошлого, того что создал массовые государства, гомогенизовав отдельные этнические и лингвистические группы в пределах одной государственной границы. Новые минигосударства – это децентрализованные племенные агломераты тех же самых лингвистических и этнических групп»⁶⁸. В том же интервью Маклюэн пророчествует о новых «ретрайбализированных» формах демократии, которые более несовместимы с массовым механизированным обществом: «Электрические медиа открывают совершенно новые возможности для регистрации общественного мнения. Например, старая концепция плебисцита, может получить новую жизнь; телевидение может проводить

⁶⁷ Kelly K. Anticipatory Democracy [Электронный ресурс] URL: <https://www.wired.com/1996/07/netizen-12/> (дата обращения 29.04.2108)

⁶⁸ Теории и практики. Интервью с Маршаллом Маклюэном в журнале PLAYBOY 1969 года. [Электронный ресурс] URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy (дата обращения 29.04.2108)

ежедневные плебисциты, демонстрируя факты 200000000 людей и обеспечивая компьютеризированную обратную связь для учета их мнения»⁶⁹.

Теперь неудивительным является то, что редакторы Wired состояли в общении со столь разными авторами. Так или иначе, многие из них были созвучны друг с другом и не менее актуальны для проблем, которые волновали коллектив Wired. Стоит отметить и писателей - фантастов, которым предоставляли слово в журнале. Флиши выделяет писателей, работавших в жанре, который в итоге получил название «киберпанк».

Киберпанк – это жанр научной фантастики, который очень близок к жанру антиутопии. Обычно в рамках этого направления нам демонстрируют высокотехнологический мир, в котором, однако, повсюду видны признаки упадка. Об этом, собственно, и говорит нам составное название жанра слово «cyber» – указывает на высокие технологии, слово «punk» – буквально «отброс», демонстрирует упадок общества и культуры. Позже для жанра будет сформирован критерий «high tech, low life» – высокие технологии, низкий уровень жизни. Героями произведений этого жанра часто становятся маргинализованные и криминальные личности.

Один из главных авторов в этом жанре – Уильям Гибсон в своих сюжетах удивительно близок с выше указанными собеседниками Wired. Он описывает глобализованный мир в котором отсутствует однородность, а много разнообразия и противоречий. Государства из-за процессов распада и балаканизации играют все меньшую роль, а подчас слышатся ритмы племенной жизни, локализованной в различных субкультурах и сообществах. Так в одном из романов, Гибсон описывает гаитянскую преступную группировку, проинтерпретировавшую технологию искусственного интеллекта с позиций религии Вуду, поэтому обращаясь к искусственному интеллекту как к Лоа – духам, осуществляющим посредничество между Богом и человеком.

⁶⁹ Теории и практики. Интервью с Маршаллом Маклюэном в журнале PLAYBOY 1969 года. [Электронный ресурс] URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy (дата обращения 29.04.2108)

Наиболее важным вкладом Гибсона является метафора сети как *киберпространства*. Киберпространство является важнейшим местом в одноименной серии романов Гибсона. Эта технология является глобальной информационной сетью, объединяющей человечество, которая практически полностью схожа с Интернетом, за исключением того, что входящий полностью погружается в него буквально выходя из тела. Так, в одном из романов описывается эта технология: «Это консенсуальная галлюцинация, ежедневно переживаемая миллиардами легальных операторов по всему свету, школьниками, изучающими математические понятия... Графическое представление данных, хранящихся в памяти каждого компьютера, включенного в общечеловеческую сеть»⁷⁰. Именно в киберпространстве маргинальные герои Уильяма Гибсона, многие из которых являются хакерами, могут оказать сопротивление власти, которая охватила весь мир – транснациональным корпорациям.

Метафора киберпространства имела огромное влияние на последующее представление об Интернете, и до сих пор имеет. В том же интервью Тоффлера в вопросе о демократии Кевин Келли задает вопрос именно о демократии и киберпространстве. Николас Негрепонтэ – практик и футуролог, о котором упоминает Флиши ведет в девяностые в *Wired* постоянную колонку «Move bits, not atoms», а в его работе «Being Digital» можно найти анализ того, каким образом материальное – атомы, отличается от информационного – битов и какое будущее у них в экономике.

Итак, Интернет мыслится как отдельное место со своими традициями и правилами. Негрепонтэ мыслит это в экономических категориях. В категориях политики мышление об Интернете выразилось в знаменитой Декларации независимости Интернета, составленной Джоном Перри Барлоу, в которой он провозглашает: «Правительства Индустриального мира, вы – утомленные гиганты из плоти и стали; моя же Родина *Киберпространство*,

⁷⁰ Гибсон У. Трилогия «Киберпространство»: романы, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 53-54.

новый дом Сознания. От имени будущего я прошу вас, у которых все в прошлом, оставьте нас в покое. Вы лишние среди нас. Вы не обладаете верховной властью там, где мы собрались. Мы не избирали правительства и вряд ли когда-либо оно у нас будет, поэтому я обращаюсь к вам, имея власть не большую, нежели та, с которой говорит сама свобода. Я заявляю, что глобальное общественное пространство, которое мы строим, по природе своей независимо от тираний, которые вы стремитесь нам навязать. Вы не имеете ни морального права властвовать над нами, ни методов принуждения, которые действительно могли бы нас утратить»⁷¹.

Данная манифестация появляется не на пустом месте. В 1996 году администрация Клинтона принимает Закон о благопристойности в коммуникациях (Communications Decency Act), который впоследствии был отменен Конституционным судом. Декларация явилась выразителем того настроения, существовавшего среди активных пользователей Интернета тех лет и среди диджераи. Активные пользователи Сети часто выражали свои взгляды путем манифестов, так кроме декларации независимости Интернета известны «Манифест хакера» Л. Блэкеншипа, «Манифест киберпанка» К. Кирчева, «Манифест крипто-анархиста. Шифропанки мира» Т. Мэя. Как можно увидеть все авторы манифеста разделяют ценности свободы коммуникаций, многие из них стоят на позициях либертарианства и анархизма⁷².

Истории, рассказанные Мануэлем Кастельсем, Патрисом Флиши, а также примеры того, как и с какими авторами работает редакция Wired и содержание различных интернет-манифестов показывает, что социальное окружение Интернета сформировало свою идеологическую программу на основе утопических проектов, которые существовали с момента зарождения Сети в виде Arpanet.

⁷¹ Барлоу Дж. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс] URL: <http://akaada.narod.ru/dekl.html> (дата обращения 5.04.2018)

⁷² См. Алимova С.Б. Идеологические манифесты киберпространства // Альманах современной науки и образования. 2013. № 8 (75). С. 13-15.

И.А. Майданская в статье «Перекрестки «Калифорнийской идеологии»» указывает, что в родившейся идеологии, связанной с интернет-технологиями нет ничего радикально нового: «Это крайний индивидуализм, стремление к ничем не ограниченному самовыражению личности. Почти фихтеанская убежденность в том, что человеческое Я, «эго», представляет собой наивысшую культурную ценность и что необходимо предоставить в распоряжение каждого индивидуума все возможные средства для творческого самовыражения»⁷³.

Таким образом, видно, что технологии вместе с тем, что оказывают влияние на развитие общества, также становятся предметом различных представлений. В двадцатом веке технологии становились предметом представлений часто связанных с ожиданиями негативных последствий. Это в основном было связано с кризисом идеалов Просвещения и Нового времени. С интернет-технологиями связаны в основном проекты утопического характера, в которых наблюдается доминирование идеалов свободной коммуникации, а вместе с тем ожидание того, что сетевые коммуникации придадут демократическому устройству общества новый характер. Можно предположить, что технологии Интернета возродили на некоторое время утопический дух Просвещения, но к сегодняшнему дню, как это будет показано в следующей главе, утопия становится не столь актуальной.

⁷³ Майданская И.А. Перекрестки «Калифорнийской идеологии» // Человек, язык, культура. Межвузовский сборник научных статей. Таганрог: ТИУиЭ, 2003.

Глава II. Постутопия и цифровая антропология

2.1. Цифровые медиа и демократия. Утопия и декаданс

В предыдущем параграфе мы описали основные моменты истории развития Интернета, а также основные представления и утопические проекты, которые возникали среди его многочисленных создателей и пользователей. Оказалось, что цифровые технологии практически сразу привлекли к себе представителей контркультуры и политически активных пользователей, которые видели в Сети идеал сообщества равноправных членов, над которыми не существует управления и цензуры. Как уже упоминалось, все это документировалось в различных манифестах, в которых провозглашались ценности киберпространства, свободного от государственного принуждения, пространства свободы, которое необходимо защитить. Тот же Джон Барлоу еще до публикации своего знаменитого манифеста стал основателем правозащитной организации Electronic Frontier Foundation, целью которой была юридическая защита людей, которых объединял тот самый «электронный фронтир».

Такая ситуация дает множество поводов поднять вопрос о связи демократии с новыми коммуникационными технологиями. Можно увидеть, что авторы, чьи истории Интернета мы взяли, живо интересуются вопросами о влиянии Интернета на демократию. Кастельс исходил из предпосылок своего жизненного опыта во времена франкистского режима в Испании, где он понял насколько важна свобода средств коммуникации для противостояния диктатурам.⁷⁴ Хотя он понимал, что авторитарные режимы могут подстроиться под доминирующие интернет-коммуникации и пытаться вводить цензуру, все-таки Кастельс настаивал на том, что «технологиям контроля могут быть противопоставлены технологии свободы»⁷⁵. Патрис

⁷⁴ См. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.

⁷⁵ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 214.

Флиши также проявляет интерес к возможности Интернета вызывать демократические тенденции среди сообществ, для которых это средство коммуникации становится основным. «Является ли Интернет инструментом демократии?» спрашивает Флиши в своей одноименной статье⁷⁶ и отвечает, что скорее всего да, так как он предоставляет широкие возможности для обсуждения и дебатов, также он считает, что те *imaginaries*, которые несли дизайнеры и пользователи ранней Сети делают возможным восприятие Интернета как инструмента демократии.

Прежде чем продолжить рассуждение стоит остановиться, чтобы прояснить вопрос о том о какой конкретно «демократии» здесь идет речь. Ту же самую демократию имеют в виду «интернет-элита», редактирующая журнал *Wired* и политики, которые, как мы покажем далее, также взяли себе на вооружение концепцию Интернета как освободительного инструмента.

Если вновь вспомнить то, что мы выясняли в предыдущей главе, то мы увидим, что первые пользователи Сетей, объединявшиеся в сообщества, имели в основном левые взгляды. Кастельс считал «либертарианскую культуру» одной из составляющих социального облика Интернета. Это можно увидеть в различных манифестах, о которых мы уже говорили, например, уже по названию «Манифеста криптоанархиста» можно догадаться, что левые идеи вполне соотносились с нарождающимися цифровыми технологиями. Самые первые сети, а потом и Интернет продемонстрировали своим пользователям пример создания сообществ, имеющих не вертикальную иерархию, а горизонтальную организацию, где каждый член может внести свою лепту в их развитие. Данную логику хорошо продемонстрировал Ханс Энцесбергер.

Доподлинно неизвестно были ли знакомы диджерати и первые теоретики влияния цифровых медиа на общество с идеями Энцесбергера Но эти идеи дают ценный концептуальный аппарат, которыми можно

⁷⁶ См. Flichy P. Is the Internet an instrument of democracy? [Электронный ресурс] URL: <http://www.booksandideas.net/Is-the-Internet-an-instrument-of.html> (дата обращения 6.04.2018)

пользоваться в рамках данной работы. Более того, мы можем заметить, что некоторые исследователи Интернета по многим вопросам мыслят в схожем с Энцесбергером русле.

Ханс Энцесбергер – немецкий поэт, общественный деятель и мыслитель, придерживающийся левых взглядов. Первоначально русский читатель познакомился с теоретическими изысканиями Энцесбергера в сфере масс-медиа благодаря эссе «Реквием по масс-медиа» Жан Бодрийяра. Поводом для полемики Бодрийяра стала статья «Строительный материал для теории медиа», которую в 2015 году перевели на русский язык.

Концепция Энцесбергера разительно отличается от концепций идейно близких к нему мыслителей. В восприятии франкуфуртцев массовые медиа двадцатого века породили массовую индустриализированную культуру, порождающую «одномерного человека» и призванную сохранять существующий капиталистический строй. Энцесбергер согласен с идеей, о влиянии современных ему масс-медиа на сохранение и воспроизводство капиталистических отношений в обществе, но он считает, что это не есть сущностная характеристика этой технологии, её можно применять по-другому. Исходя из этого убеждения, немецкий мыслитель говорит о «социалистической перспективе» в использовании массовых электронных медиа.

Энцесбергер выделяет два варианта организации медиа: **репрессивный** и **эмансипационный**. В современном для него обществе доминирующим была репрессивная организация функционирования средств коммуникации. Такая организация отличается вертикальной структурой, когда существует один передатчик, а остальным остается роль реципиента и пассивного потребителя информации. Подобная структура типична для того времени, в перспективе, по мнению Энцесбергера, подобный способ организации приводит к парадоксу, средства коммуникации становятся антикоммуникативными: ««Электронная техника не знает принципиального противоречия между отправителем и приемником. Любое транзисторное

радио является по своему строению одновременно и потенциальным отправителем; через обратную связь оно может оказывать воздействие на другие приемники. Трансформация простого средства распределения в средство коммуникации – не техническая проблема. Этой трансформации сознательно препятствуют – по тем или иным политическим причинам»⁷⁷.

В данной цитате имплицитно заложено описание обратного способа организации медиа – эмансипационного. Данный вариант организации предполагает, что медиа будут иметь децентрализованную структуру, где каждый является одновременно и потребителем информации, и ее производителем. Такая структура может выглядеть только как сеть, именно поэтому концепция Энцесбергера настолько актуальна для данной работы.

Эту эмансипационную сторону сдерживают «буржуазные силы» (и не только они) во имя сохранения существующего порядка вещей, поэтому чтобы превратить медиа в эмансипационные их самих следует эмансипировать. За этим последуют и изменения в обществе, которое вслед за медиа также начнет воспроизводить практику горизонтальных и децентрализованных отношений, это сделает неактуальными все властные конструкции, существовавшие до этого, так Энцесбергер пишет: «национальный суверенитет в коммуникационной сфере обречен на вымирание. Дальнейшее развитие спутников полностью положит ему конец. Информационные карантинные, прописанные фашизмом и сталинизмом, возможны сегодня только ценой сознательного промышленного регресса»⁷⁸. Вертикальные структуры – это дело прошлого, и чтобы их сохранять часто приходится тормозить технологии, так считает Энцесбергер. В этом его убеждает пример, связанный практикой копирования документов в Советском Союзе: «Советской бюрократии, самой крупной и наиболее сложной во всем мире, пришлось почти повсеместно отказаться от элементарного средства организации работы – копировального аппарата,

⁷⁷ Энцесбергер Х.М. Строительный материал для теории медиа // Логос. 2015. Том 25. № 2 (104). С. 145.

⁷⁸ Там же. С. 147.

потому что он превращал каждого работника в потенциального печатника»⁷⁹. Пример с Советским Союзом довольно актуален, так как именно там вопрос о контроле средств коммуникации стоял остро. Известна борьба с «самиздатом», которая проходила в СССР в 50-60-е годы, именно из-за этого правительство с опаской относилось к медиа: «Власти тогда не поощряли развитие связи. Например, каждый радиоприёмник в обязательном порядке регистрировался. Органы госбезопасности требовали хранить оттиски со всех печатных машинок, если потребуется установить автора распечатки»⁸⁰. Логично предположить, что такие примеры укрепляли позицию Энцесбергера по поводу того, что эманципационному потенциалу масс-медиа намеренно мешают.

Таким образом, Энцесбергер уверял в том, что масс-медиа – это не манипулятивный инструмент в руках господствующих классов, технология, способная преобразовать всю политическую систему. Однако, не стоит столь скоро считать его технологическим детерминистом, наоборот Энцесбергер предостерегает от этого: «Тот, кто говорит об освобождении благодаря одному хорошо структурированному технологическому устройству или системе устройств, обречен на сомнительную веру в прогресс. Тот, кто воображает, будто медиа обретут свободу естественным образом, если каждый из нас будет прилежно отсылать и принимать информацию, попадает в ловушку либерализма, который под современной маской рекламирует поблекшее представление о предустановленной гармонии социальных интересов»⁸¹. Эмансипационное использование медиа предполагает создание организации, имеющую сетевую структуру и занимающаяся производством

⁷⁹ Энценсбергер Х.М. Строительный материал для теории медиа // Логос. 2015. Том 25. № 2 (104). С. 147.

⁸⁰ Чурилов Д. Первый советский «ксерокс» против КГБ. [Электронный ресурс] URL: <https://ediweb.com/ru-ru/company/blog/pervyj-sovetskij-kseroks-protiv-kgb> (дата обращения 6.04.2018)

⁸¹ Энценсбергер Х.М. Строительный материал для теории медиа // Логос. 2015. Том 25. № 2 (104). С. 156.

контента: «Массовая газета, написанная своими читателями и распределенная среди них, видеосеть политически активных групп и т. д.»⁸².

Как мы видим, первые пользователи Arpanet и Usenet оказались именно в ситуации эмансипационных медиа, в которых каждый является одновременно производителем и потребителем контента. Такая коммуникационная среда вкупе с левыми взглядами придает электронным сообществам горизонтальную структуру организации. Первые электронные сообщества почувствовали дух «агоры» с ее прямыми практиками народовластия.

Следует определиться с используемым нами понятием демократии. Демократия – это понятие, которое, как и большинство понятий исторический изменялось. Когда мы говорим о современной демократии, мы не смешиваем ее с полисной демократией, которую так много критиковал Платон, хотя и принято традицию народовластия вести именно с тех времен. Становлению демократии в современном смысле слова, а именно демократии либеральной и представительской начинается в эпоху Нового времени в ту пору, когда наиболее усиливается мощь буржуазии. Представительская демократия стала наиболее адекватным средством выражения интереса буржуазии, которой больше не подходят условия абсолютистского монаршего государства, которое в силу своей милитаристской природы мешает развиваться рынку. Вспомним процитированные нами в первой главе слова Карла Маннгейма, который считал, что у буржуазии существовала утопия свободы, которая должна была взорвать существующий строй. Действительно, «Liberte, Egalite, Fraternite» стали взрывными идеями своего времени, однако, чтобы превратиться после в идеологию победившего класса.

«Демократия (от греч. demos – народ, kratos – власть, правление) – форма правления, при которой граждане лично или через избранных представителей осуществляют право принятия (политических) решений.

⁸² Там же. С. 157.

Демократия основывается на признании народа в качестве источника власти и предполагает власть большинства, равноправие граждан, верховенство закона и т.д.»⁸³. Таково словарное определение демократии и в нем угадываются нововременные корни. Народ как источник власти, равноправие граждан и верховенство закона – это изобретение Нового времени. Народ не мог предстать как источник власти в логике средневекового мышления, источник власти один – это Бог. Гоббс, который одним из первых представил народ как источник власти, за эту мысль на долгое время попал в опалу⁸⁴. Идея равенства и идея верховенства закона очень тесно переплетены, так как все равны перед законом, когда как идея равенства в Средневековье звучит как «Все равны перед Богом».

Демократия из сферы утопического постепенно переходит в сферу идеологического, обрстая аксиологическими смыслами. Основными мировыми распространителями демократии как абсолютной и неоспоримой ценности являются Соединенные Штаты Америки, хотя «отцы-основатели», как отмечает Баталов, не заявляли о своей приверженности демократическому строю: «Вот что любопытно: ни в Декларации независимости, ни в Конституции США мы не встретим слова «демократия». Равным образом никто из «отцов-основателей», включая автора «Декларации независимости», не называл себя демократом... они считали себя революционерами, федералистами, республиканцами, но только не демократами»⁸⁵. Демократия не приобрела на тот момент те аксиологические измерения, которые вкладываются в неё сейчас, наоборот «отцы-основатели» во многом были против демократии большинства, скатывающуюся в охлократию. Тем не менее, они не были противниками представительной демократии, а как раз пошли по пути построения подобной системы.

⁸³ Ивин А. А. Философия. энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004. С. 451.

⁸⁴ См. Филиппов А. Актуальность философии Гоббса. Статья первая // Социологическое обозрение. 2009. Т.8. № 3. С. 102-112.

⁸⁵ Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 23

Действительно демократия становится ценностью в двадцатом веке, когда американские мыслители ей живо заинтересовались. Баталов отмечает, что именно в двадцатом веке начинается процесс «фетишизации» понятия демократия, а «демократизация других стран (с помощью или даже под руководством США) превращается в одну из главных стратегических целей Америки»⁸⁶. Притом, что путь этой фетишизации проходит не так уж и ровно. В идеалах демократии разочаровываются, когда мир сталкивается с кризисами двух мировых войн, расцвета тоталитарных государств в Европе. Ведь вожди тоталитарных и авторитарных государств часто приходили к власти демократическим путем. Усилиям американских мыслителей понятие, таких как Джон Дьюи и представителей Чикагской школы (Чарльз Мерриам и Гарольд Лассуэл), понятие демократии переживает свой кризис и более того становится востребованной в ситуации холодной войны. «Успешную борьбу с мировым коммунизмом можно было вести лишь при наличии эффективного идейного оружия. Таким оружием, способным противостоять социалистическому идеалу, мог быть только демократический идеал»⁸⁷. С этого времени демократия как ценность, которую стоит распространять прочно входит в политическую практику властных элит США. Это может подтвердить тот факт, что многие военные операции США и союзников, например в Ираке и Афганистане, затевались под предлогом принуждения авторитарных стран к свободе и демократии.

Как мы уже отметили, горизонтальные практики организации сообществ пользователей предтеч Интернета явно не имели точек соприкосновения с практиками представительской демократии, для пользователей подобных сообществ она не была необходима. Более того, как мы уже отмечали, по прошествии времени пространственная метафора Интернета (киберпространства), также выливается в мощные манифестации, которые провозглашают независимость сети от государства. Тем не менее,

⁸⁶ Там же. С. 9.

⁸⁷ Там же. С. 12.

Закон о благопристойности в коммуникациях демонстрирует, что государство обращает свой взгляд на Интернет и не всегда он воспринимается как благо, но часто как угроза. Так или иначе, государства могли и познакомиться с другим представлением об Интернете, как демократизирующей технологии. Об этом пишет Элвин Тоффлер, когда говорит о новой форме «полупрямой» демократии, которая более актуальна для современной эпохи и, как мы уже отмечали, возможную реализацию этого Тоффлер видит в использовании современных компьютерных устройств. Огромные демократические возможности в Интернете видит и Кастельс. Это можно проследить и в его описании истории генезиса Интернета, и в том, что он видит основную демократическую тенденцию Интернета как медиа, которое сложно цензурировать. «Парадигма свободы имела под собой как технические, так и институциональные основания. Технически ее архитектура ничем не ограниченной организации компьютерных сетей базировалась на протоколах, которые трактуют цензуру как техническую неполадку и просто обходят ее в глобальной сети, превращая контроль над последней в весьма трудную (если только вообще разрешимую) проблему»⁸⁸. Свобода слова – наиболее важная демократическая ценность в среде цифровых медиа имеет огромное распространение ввиду уже упомянутой сложности цензурирования.

Долгое время государства строили свои отношения с Интернетом именно с точки зрения контроля, так как контроль за коммуникациями всегда являлся довольно важным для сохранения властных полномочий государства. В сфере интернет-технологий это выливалось в ряд юридических решений, которые стараются поставить под юридический контроль многие стороны работы современных коммуникационных технологий и, как мы можем легко убедиться, стараются это делать до сих пор. Успех в деле контроля и цензуры сети переменный, многие

⁸⁸ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 198-199.

пользователи быстро учатся применять «технологии свободы», чтобы обходить государственные запреты и это наблюдается и в странах с наиболее закрытой интернет-средой, таких как Китай. Этот успех переменен, это объясняется тем, что в отличие от «традиционных» средства коммуникации государство больше не является единственным регулирующим актором в этой сфере, это довольно четко прослеживается в истоках формирования Интернета. Государство, в данном случае, один из стейкхолдеров⁸⁹, хотя и довольно мощных.

Впервые среди политиков представления об Интернете как инструмента демократии распространяется во время массовых протестов в Иране и Египте в 2009-2011 гг., которые позже выльются в так называемую «Арабскую весну». Часто эти протестные движения будут называть Twitter-революцией и Facebook-революцией за широкое применение социальных сетей для координации протестов. Так историю протеста с точки зрения организации через социальные сети рассказывает Ваиль Гоним – компьютерный инженер в компании «Google» и создатель группы в Facebook «Кулена Халед Саид» (Меня зовут Хален Саид), которая стала одним из основных ресурсов, через которые протестующие коммуницировали и координировали свои действия. Поводом для создания группы стало убийство полицейскими Халеда Саида – молодого блогера, который расследовал коррупцию среди сотрудников внутренних дел. В начале на онлайн-площадке люди высказывали свое недовольство произошедшим после это вылилось в массовые акции протеста по всему Египту⁹⁰.

Видно, что в повествовании Гонима о протесте немалая роль уделена интернет-технологиям. Само название его книги, в которой он повествует о данных событиях – «Революция 2.0» отсылает нас к термину «Веб 2.0», которым описывают методику построения сети последних лет, связанных с

⁸⁹ Заинтересованная сторона, поведение и деятельность которой могут влиять на успех системы.

⁹⁰ См. Гоним В. Революция 2.0. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2012. 352 с.

появлением большого количества крупных социальных сервисов, объединенных общими принципами построения. Большое впечатление эти волнения произвели на американских политиков, которые после протестных акций подняли интернет-технологии на щит в борьбе за демократию.

Е. Морозов – автор понятия «Twitter-революция» пишет о том, что после серии волнений на Ближнем Востоке американские политики, что немаловажно консерваторы, начинают организовывать конференции на тему интернет-технологий, открываются курсы по интернет-просвещению, американские политики обязуются поддерживать свободу Интернета.

Е. Морозов в своей работе «Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети» критикует представление об Интернете как инструменте демократии. «Если в лесу падает дерево, и все пишут об этом в «Твиттере», это вовсе не значит, что дерево упало из-за записей в микроблогах»⁹¹ – так Морозов комментирует революционный потенциал «Твиттера». В своем решении поддерживать распространение и развитие Интернета западные политики абсолютно правы, но они не правы в том, что Интернет автоматически вызывает к жизни демократию, надо только подождать пока эта технология не подточит авторитарные режимы изнутри. Морозов убежден, что Интернет не является «детерминистской однонаправленной силой, нацеленной на всеобщее освобождение либо угнетение, космополитизм либо ксенофобию. В действительности интернет содействует всем этим силам сразу – и еще множеству других»⁹². Представления, которые доминировали в среде западных политиков Морозов называет «киберутопизмом».

«Киберутопизм» стоит на опасных аналогиях, основанных на опыте «холодной войны». Так в египетском оппозиционере американский политик видит образ диссидента, а смартфон в его руке превращается в копировальный станок из-под которого выходит «самиздат». Firewall'ы⁹³,

⁹¹ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ : CORPUS. С. 44.

⁹² Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ : CORPUS. С. 58.

⁹³ Программные или программно-аппаратные элементы сети, которые контролируют сетевой трафик согласно заданным правилам.

которые используют государства, считающиеся авторитарными, мыслятся по аналогии с Берлинской стеной, которую нужно сломать, однако разница между кирпичной стеной и «огненной стеной» в сети колоссальна, firewall сложно «сломать» и совершенно ничего не стоит починить. Заигрывания с опасными аналогиями приводят к естественной реакции со стороны авторитарных государств они начинают воспринимать интернет-коммуникации как угрозу, ужесточать контроль и подстраиваться под них.

Данная проблема может быть проиллюстрирована недавними российскими исследованиями. В 2014 году Полина Коллозариدي и Александра Шубенкова провели исследования дискурсов власти об Интернете на основе контент-анализа государственных документов⁹⁴. Согласно их исследованию было выделено три периода в которых российское государство по-разному воспринимает Интернет. Первый период (1994-1999 гг.) совпадает с девяностыми годами, когда Интернет был не столько распространен, поэтому мало интересен государству. Второй период (2000-2011 гг.) характеризуется репрезентациями Интернета как блага, а государство выступает как активный проводник данного блага. Во время третьего периода (2011 – 2014 гг.), как констатируют исследователи, в официальном дискурсе появляется представление об Интернете как об угрозе, которая проявляется в различных аспектах: посредством интернет-технологий коммуницируют террористы и вербуют новых членов в свои ряды, распространяется детская порнография, продаются наркотики и т.д. Григорий Асмолов – исследователь из Оксфорда после изучения данных ряда российских социологических исследований указывает, что государственное распространение репрезентации Интернета как угрозы имеет некоторые успехи, так значительная часть российского общества выступает за цензурирование контента в Сети. Самое примечательное, что среди респондентов, выступающих за некоторую цензуру (здесь следует отметить,

⁹⁴ См. Коллозариди, П.В. Шубенкова А.Ю. Интернет как предмет социальной политики в официальном дискурсе России: благо или угроза?. // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 14 (1) С. 39-54.

что цензуру допускают лишь до определенной степени) в больших количествах встречаются молодые люди, которые, как принято считать, традиционно больше склонны поддерживать свободу слова и распространения информации⁹⁵.

Из этих примеров видно, что Морозов со своей критикой киберутопизма не далек от истины. Действительно опыт показывает, что авторитарные или «гибридные» режимы, объединяющие черты авторитаризма и демократии, вполне уверенно приспосабливаются к новым коммуникационным условиям.

В похожем направлении работает другой исследователь – Джон Кин. Так, если Морозов подходит к цифровым технологиям инструменталистки, то Кин считает, что современные медиа накладывают определенную рамку на общество и в этой позиции он схож с Маклюэном. Он пишет: ««Главный момент в том, что коммуникационные технологии не являются ни «нейтральными», ни определяющими; они помогают использующим эти технологии людям детерминировать самих себя непредсказуемым образом»⁹⁶. Современную эпоху в области средств массовых коммуникаций Кин характеризует термином «коммуникационное изобилие», которое оснащает насыщенность современного общества различными средствами медиа, которые в том или ином аспекте становятся цифровыми. «Коммуникационное изобилие» привносит свои изменения в общество, поэтому многие обращаются к осмыслению влияния цифровых медиа на политику. Кин выделяет три группы исследований по этому вопросу. В первой группе сильна метафора «киберпространства», а различные политические акторы медленно занимают данное пространство, постепенно колонизируя его. Во второй группе довольно мощно распространено

⁹⁵ См. Асмолов Г. Лицом к Дракону: Роль общественного мнения в регулировании российского интернета [Электронный ресурс] URL: <https://digital.report/wp-content/uploads/2015/07/SDF-DR-Litsom-k-Drakonu-v5.pdf> (дата обращения 8.04.2018)

⁹⁶ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 145.

представление о том, что «коммуникационное изобилие» порождает текучую электронную демократию, в которой каждый может напрямую влиять на принятие политически важных решений. Третья позиция занимает промежуточное положение: «Между этими крайними позициями находятся наблюдатели, которые хвалят коммуникационное изобилие за то, что оно вносит свой скромный вклад в оживление «либеральной демократии»»⁹⁷. Кин в большей степени придерживается последней позиции.

Еще в 2001 году Мануэль Кастельс напишет о том, что Интернет делает взаимоотношения граждан и государств более открытыми: «Интернет может использоваться гражданами для слежения за своим правительством»⁹⁸. То же самое имеет в виду и Джон Кин в своей концепции «мониторной демократии». Коммуникационное изобилие делает деятельность избранных политиков прозрачнее, привнося больше динамики в демократический процесс. Об этом свидетельствует и сам термин «*мониторная демократия*», которая образовалась от глагола to monitor – наблюдать, контролировать. ««Мониторная демократия – это новая форма демократии, некая разновидность «постэлекторальных» политики и правительства, определяемых быстрым ростом самых разных типов внепарламентских механизмов контроля власти»⁹⁹. Однако не стоит считать, что современные коммуникационные технологии являлись прямой причиной появления мониторной демократии, Кин не технологический детерминист. Мониторные механизмы имеют давнюю историю и конечно они влияли на становлении современной ситуации, но коммуникационное изобилие создает идеальные условия для расцвета мониторной демократии. Цифровые медиа дали новые инструменты контроля власти и теперь ни одно действие властимущих не

⁹⁷ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.. С. 102.

⁹⁸ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 217

⁹⁹ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 145.

может быть сокрыто: «Все институты, заняты контролем власти, всецело опираются на эти инновации в области медиа»¹⁰⁰.

Также следует отметить, что Кин, как Маклюэн и Тоффлер, разделяет убежденность в том, что современное общество теряет свою монолитность, становясь все более разнородным и разнообразным. Поэтому Кин критикуют понятие «суверенный народ», который он называет «политически сконструированным образованием»¹⁰¹. Не «народ» занимается мониторингом власти, а разнородные общности, у которых могут часто не совпадать цели.

Может показаться, что Джон Кин, говоря о коммуникационном изобилии, строит образ эмансипационных медиа. Однако, он и отмечает обратную тенденцию, которую он называет «декаданс медиа» и в этом моменте он сходится с Евгением Морозовым. Эмансипационная сила современных коммуникационных технологий не уничтожила авторитарные правительства, которые вполне уверенно себя чувствуют в условиях коммуникационного изобилия. Но Кин не останавливается на правительствах, его также интересует роль IT-корпораций в декадансе цифровых коммуникаций. «Я буду подразумевать под ним разложение посреди изобилия»¹⁰² – так пишет Кин о «декадансе медиа». Эта тенденция имеет довольно много обликов.

Во-первых, Кин, как и Морозов отлично видит, что авторитарные правительства отнюдь не страдают от мониторингового потенциала цифровых медиа, а вполне уверенно приспосабливаются к неудобствам, которые они несут и даже извлекают пользу. Так коммуникационное изобилие не только открыло правительственных функционеров для граждан, но и правительства получили удобный инструмент наблюдения за людьми.

Во-вторых, важным проявлением «декаданса медиа» являются роевое мышления и «эко-камеры». Согласно утопическим представлениям

¹⁰⁰ Там же. С. 132.

¹⁰¹ Там же. С. 116.

¹⁰² Там же. С. 155.

прошлого, которые мы рассматривали, цифровые медиа – это горизонтально организованные средства коммуникации, которые способствуют разнообразию мнений и приучают своих пользователей к плюрализму. На деле часто дело обстоит другим образом, культура вирусного распространения контента, в котором пользователи часто не удосуживаются поинтересоваться авторством распространяемого контента и вникнуть в его содержание, а лишь распространяет его дальше. Это делает пользователей легкой жертвой различных манипуляций: «Граждане могут стать бездумными прозелитами движений, которые они не до конца понимают, добровольными жертвами лозунгов, распространяемых различными кампаниями по фанатичной охоте на ведьм, которая может достигать до своеобразного «цифрового маоизма»¹⁰³. Говоря о рое и роевом мышлении Кин, в каком-то смысле, говорит о толпе, которая находит свое новое воплощение в цифровых медиа. Однако, толпа объединяет людей хотя бы ненадолго, в ситуации с «декадансом медиа» все иначе. Во время «роения» представитель цифрового «улья» не слышит противоположного мнения, он всегда слышит лишь свое собственное усиленное тысячами других голосов. Этот эффект также называется «эхо-камера». В теории медиа термин «эхо-камера» описывает ситуацию, когда сообщения и идеи, которые циркулируют в некоторой закрытой системе, например, группа революционеров-анархистов, будут многократно повторяться и закрепляться, усиливая тем самым убежденность членов данного сообщества в своей правоте и не пропуская иные сообщения, могущие представлять иную точку зрения. Не последнюю роль в этом играют технологии Google и Facebook, которые лишь подкрепляют эффект эхо-камер. Давно известно, что эти компании собирают довольно много данных о пользователях в рекламных целях, но кроме рекламы на основе собранных данных формируется пользовательский интерфейс. Так Facebook на основе круга общения,

¹⁰³ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 158.

предпочтений и многих других данных подбирает ленту новостей специально под пользователя, то же самое делает Google, который в своем новостном сервисе выдает новости на основе запросов конкретного человека. Таким образом, цифровой мир, который, как всем казалось, должен способствовать разнообразию мнений и свободе, и изобилию коммуникации запирает пользователя в персональной «эхо-камере». По этому поводу Кин делает вывод вполне в духе Бодрийера: «Другие больше не имеют значения. *Мир уходит в тень*. Он превращается в дружественный экран, второпях написанную эсэмэску, наушник в ухе, загрузку, клавиатуру, случайную мысль»¹⁰⁴. Все это порождает антикоммуникацию, подпитываемую людским высокомерием, ведь «они теперь – единственный авторитет для самих себя, обладающий бесспорной весомостью, освобожденный от противодействия со стороны других людей»¹⁰⁵.

Следующее важное проявление «декаданса медиа» связано с предыдущим, так как эффектом эхо-камер, как уже было увидено, мы благодарны крупным ИТ-корпорациям. Кастельс в своей краткой истории сети писал, что Интернет еще в самом начале своего распространения избежал участи быть монополизированным компанией AT&T. Кин отмечает, что рыночная экономика уже сейчас ставит цифровые медиа под угрозу быть монополизированным такими крупными компаниями как Google и Facebook. Это довольно странный вывод, потому как Интернет не является ничьей собственностью, а в его поле действуют множество стейкхолдеров, коими и являются крупные информационные корпорации Кремниевой долины, однако Кин пишет, что «такие гиганты как Apple, Microsoft, Facebook и Youtube (принадлежащий Google), ныне порождают и потребляют примерно одну треть глобального трафика»¹⁰⁶. Именно конкурентные столкновения

¹⁰⁴ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 161.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 200.

этих гигантов определяют наше будущее. Более того, демократии отнюдь не идет на пользу возможность Google или Facebook узнавать электоральные предпочтения своих пользователей и выдавать им результаты поиска согласно их предпочтениям. Так согласно социологическим исследованиям американских социологов Роберта Эппстейна и Рональда Робертсона изменение результатов поиска в предназначенном для этого сервисе может изменить электоральные предпочтения значительной части населения. Этот эффект социологи назвали «эффект манипуляции через поисковик»¹⁰⁷. Также Кин указывает еще один пункт недоверия к информационным корпорациям, а именно то, что их продукты «вызывают «цифровое слабоумие», обусловленное «привыканием» к цифровым медиа, которые берут на себя функции человеческого мозга»¹⁰⁸. Это подтверждается несколькими исследованиями, которые проводили американские психологи, такие как, Дэниэл Вегнер и Бэтси Спэрроу. Согласно им в настоящее время человек все чаще делегирует функции своей памяти внешним носителям, таким как компьютер или смартфон. Исследователи назвали этот процесс «Google-эффектом»¹⁰⁹. Связано это не в последнюю очередь с информационной перегрузкой, в которой не последнюю роль играют средства массовой коммуникации.

Касаясь темы информационной перегрузки целесообразно упомянуть Герта Ловинка – теоретика социальных сетей и автора концепции «тактических медиа», который видит в информационной перегрузке основную психопатологическую проблему нашего времени. Её он предлагает

¹⁰⁷ См. Epstein R., Robertson R. E. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. Т. 112. № 33. P. E4512-E4521.

¹⁰⁸ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 206

¹⁰⁹ См. Вегнер Д., Уорд А. Как Интернет меняет наш мозг // В мире науки. 2014. № 2. С. 98-102.

решить с помощью своеобразной «медиадииеты»¹¹⁰. Но, более релевантна данной работе его антикапиталистическая позиция по поводу цифровых медиа. Если пользоваться языком Энцесбергера, то процесс «декаданса медиа», частью которого является монополизация и централизация сети, постепенно превращает Интернет в репрессивное средство коммуникации. Ловинк, как и Кин, считает, что этому надо противостоять. Кинутверждает, что свободу коммуникаций можно сохранить если правительства демократических стран возьмут её за принцип и будут противостоять попыткам приватизации медиа, оставляя её в общественной собственности. Ловинк видит выход в организации «тактических медиа» – медиа организованных самими пользователями, в которых они же и являются производителями контента. По сути, Ловинк вернулся к концепции Энцесбергера, который предлагал бороться с репрессивными медиа своего времени именно таким способом.

Таким образом, на примере концепции Герта Ловинка видно насколько глубок кризис утопических представлений об Интернете в наше время, если приходится повторять «левую» риторику семидесятых годов об эмансипации электронных медиа. Цифровые медиа не оказались освободительным инструментом, а на этом было построена огромная традиция их осмысления. Современные коммуникационные технологии оказались в ситуации, когда требуется их переосмысление.

¹¹⁰ См. Ловинк Г. Психопатология информационной перегрузки // Медиа: между магией и технологией / Под общей редакцией: Н. Н. Сосна, К. Е. Федорова. М., Екатеринбург Кабинетный ученый, 2017. С. 232-250.

2.2. Акторы и цифровая антропология: отход от утопий

Мы рассмотрели концепции, которые так или иначе заявляют о крахе концепта Интернета как демократизирующей технологии. Это хорошо видно через исследования Евгения Морозова, который показывает насколько хорошо авторитарные режимы подстраиваются под новые коммуникационные условия и Джона Кина, который с признанием ценности цифровых медиа для развития демократических процессов признает и обратную тенденцию «декаданса медиа».

Теоретическое осмысление цифровых технологий в утопическом направлении переживает кризис. Многие метафоры и концептуальные построения, появившиеся на заре Интернета, перестают быть актуальными. Так теряет свою актуальность метафора киберпространства, о независимости которого так много говорили интернет-активисты в своих манифестах. Не так уже актуально словосочетание «Move bits, not atoms», которым Николас Негрепонтэ называл свою колонку в Wired. Нет больше смысла разделять биты и атомы, онлайн и оффлайн в среде насыщенной цифровыми медиа, где цифра и реальность оказываются тесно переплетены: «Физическое пространство больше невозможно рассматривать как абсолютное. Оно неотделимо от своего цифрового измерения»¹¹¹.

Полина Колозарици – российский специалист в интернет-исследованиях также заявляет о постутопическом периоде мышления об Интернете: «Сегодня мы начинаем уже работать с темой постутопии и антиутопии, с постутопическими исследованиями»¹¹². Она же отмечает, что актуальными постутопические исследования становятся после споров вокруг влияния социальных сетей на события «арабской весны». Оказалось, что многие утопические проекты не так уж и очевидны, Интернет хоть и дает

¹¹¹ Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. С. 29.

¹¹² Колозарици П. Утопия в интернет-исследованиях [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/video/82652> (дата обращения 9.04.2018)

некоторую свободу коммуникаций, но не вызывает однозначную демократизацию общества и более того, использование Интернета может сильно различаться не только в разных странах, но и в разных слоях общества.

Исследователь оказывается в ситуации кризиса понимания цифровых технологий, эффекты от которых ранее считались вполне очевидными, но на сегодняшний день становятся востребованными новые подходы к изучению влияния цифровых технологий. Одним из таких способов становится *цифровая антропология*.

Цифровая антропология сравнительно недавно появившаяся дисциплина, которая имеет давнюю традицию, предполагающую следование определенным методам исследования. Эта дисциплина формируется в рамках социальной и культурной антропологии, межпредметных дисциплин, которые изучают человека и закономерности существования человеческого общества и культуры. Данная область знания предполагает наблюдение за интересующими культурами и, часто, «включение» в них.

Один из первых теоретиков цифровых медиа – Лев Манович, справедливо полагал, что современную культуру невозможно адекватно понимать в отрыве от цифры, так как культурные артефакты теперь создаются с помощью разнообразного *софта*: «Современный автор (отправитель) использует программное обеспечение для создания текста (сообщения), и эти программы влияют или даже формируют создаваемые тексты <...> Точно также как современный читатель (получатель) зачастую взаимодействуют с текстом, используя реальные компьютерные программы <...> Эти программы определяют восприятие читателем текста и даже то, что представляет собой сам текст: набор отдельных аудиодорожек в аудиопроигрывателе или мультимедиа-компоненты и гиперссылки, представленные в виде интернет-страницы»¹¹³.

Именно с этих позиций цифровые антропологи интересуются сетью. Главный их интерес состоит в том, каким образом люди используют

¹¹³ Манович Л. Теории софткультуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. С.45

технологии и какие культурные практики у них формируются в ходе данного взаимодействия. Однако, практики цифровой антропологии все еще сталкиваются с утопическими представлениями. Эти столкновения происходят до «выхода в поле», когда исследователю следует определиться что он будет наблюдать. Здесь имеется два пути, среди которых одним из самого долгого времени являлось наблюдение внутри «виртуального». Так одним из ранних исследований в области цифровой антропологии, было проведено Томом Боелстрофом и этим исследованием стало включенное наблюдение за игроками Second Life¹¹⁴. Боелстроф создал свой аватар в игре и провел там за наблюдениями три года, по итогам которого он написал книгу «Взросление в Second Life: антропологическое изучение виртуального человека» («Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human»). Здесь не так важно содержание самого исследования сколько предмет исследования. Может показаться, что исследованиях Боелстрофа прослеживается довольно сильное влияние метафоры киберпространства, когда он говорит о неких «виртуальных мирах» и «виртуальном человеке». Однако он четко различает виртуальное и цифровое: «Когда некоторые склонны приравнивать цифровую антропологию к виртуальной, я хотел бы сфокусироваться на концепции, вдохновленной оригинальными значениями цифрового и методологическими преимуществами изучения онлайн-культуры»¹¹⁵.

Так, на примере Боелстрофа видно, что в данных исследованиях очень важно четко понимать, что такое цифровое, которое отнюдь не стоит путать с понятиями виртуального и т.д. Оксана Мороз – российский специалист по digital studies указывает на это различие: «Понятие «цифровая среда» по своему содержанию не равняется понятиям «медиа», «мультимедиа», «кросс-медиа», «трансмедиа», «средства массовой информации и коммуникации» и всему тому, что я перечислила <...> Если мы спросим , что такое цифровая

¹¹⁴ Онлайн-игра, симулятор жизни с элементами социальной сети, в которой игрок может создать свой аватар и вести виртуальное существование.

¹¹⁵ Horst H. A., Miller D. Digital anthropology. London. A&C Black, 2013. P. 112.

среда как явление – то мы можем ее довольно просто описать через три понятия – это данные, которые закодированы в двоичной системе, это алгоритмы, это программное обеспечение. Все эти слова <...> обозначают буквально следующее: существует технологическая основа для всех тех действий, которые человек предпринимает онлайн, когда работает с девайсами, с устройствами, для всех тех типов коммуникации или любых других активностей, которые он продуцирует»¹¹⁶. В конце концов цифровые медиа, как об этом говорит Лев Манович, теперь охватывают весь опыт взаимодействия со средствами коммуникации.

Итак, под цифровым понимается некая технология или софт, который служит основой для множества вещей, которые нас окружают от средств коммуникации до бытовых приборов. Однако, Боелстроф остается приверженцем разделения онлайн и оффлайн миров, за что его критикуют его коллеги, например, это делает Дэниел Миллер. Но как уже говорилось, Боелстроф не приверженец жесткой дихотомии виртуального и реального, но он настаивает, что практики онлайн-культур будут не похожи на остальные культуры, поэтому следует наблюдать их именно изнутри.

Прежде чем дать слово «оппонентам» Боелстрофа следует упомянуть еще одно важное направление в исследовании онлайн-культур и сообществ, которое строится на предположении Маклюэна о возвращении в мир «племенного духа», ретрайбализации мира. В этом направлении рождаются необычные аналогии о «цифровом племени» и «цифровых тотемах». Стив Виллер в своей статье «Цифровые племена, виртуальные кланы» (Digital tribes, virtual clans) описывает, что сообщества в социальных медиа, таких как Twitter, Facebook имеют много сходств с племенной организацией. Как и племя, онлайн-сообщество чаще всего имеет свои обычаи и традиции, а часто к ним добавляется и собственные особенности языка. «Цифровые племена» объединяются вокруг «цифровых тотемов», которые являются показателем

¹¹⁶ Мороз О. Цифровая среда [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/video/75092> (дата обращения 11.04.2018)

направления деятельности того или иного сообщества, тотемом является Facebook, который объединяет своих пользователей с целью общения, «Википедия», целью которой является обмен знанием. Этот список можно продолжать еще крайне долго, но ясно, что «цифровым тотемом» является объединяющая членов онлайн-сообщества сила.

Данная концепция получила распространение среди антропологов, заинтересованных в исследования цифровых медиа. Но существует некоторый недостаток подобных аналогий, с которыми уже сталкивалась городская антропология. Антрополог Михаил Алексеевский, описывая историю городской антропологии, говорит о том, что первые исследования городских сообществ предполагали применение на них тех методов, которые применялись на «примитивных обществах». Он пишет, что «для антропологов основным предметом изучения в городах стали сообщества, чем-то напоминавшие городские племена»¹¹⁷. Первым антропологом, применившим методы своей дисциплины в отношении города, стал Уильям Ллойд Уорнер со своим тридцатилетним исследованием небольшого американского города, который он условно назвал Янки-Сити. Опыт Уорнера в изучении австралийских племен стал рамкой для этого исследования. В практиках современных ему американцев он находил различные ритуалы, которые чаще всего считались прерогативой необразованных «туземцев». По-другому дело обстояло с мегаполисами, в них, с точки зрения антропологов, на племена более всего подходили жители различных этнических гетто, а на заре городской антропологии это чаще всего были итальянские гетто. Такие районы обычно более закрыты для чужаков, но и образуют более сплоченное сообщество, которое больше всего напоминает деревню, так хорошо знакомую антропологам. Для небольших и сплоченных сообществ, у членов которых наблюдаются наиболее сильные социальные связи, методы антропологии, которые работали на племенах вполне

¹¹⁷ Алексеевский М. Городская антропология. От локальных «племён» к глобальным «потокам» // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города. М.: Strelka Press, 2017. С. 90.

применимы. Сложно их становится применять в ситуациях с обычным жителем мегаполиса, который отличается более слабыми социальными связями, но входит в куда большее число сообществ. Также житель мегаполиса мало привязан к своему месту жительства, которое не обеспечивает ему того сообщества, которые существуют в этнических районах. Горожанин живет в одном месте, работает в другом, а проводит досуг в третьем месте и практически нигде не образует действительно сильных связей. Уловить горожанина можно не в определенном месте, но узнать о нем можно только в пространстве потоков.

Не имеет смысла говорить о том, что онлайн-сообщества являются более сплоченными, об этом и не помышлял сам автор термина «цифровое племя». Он естественно допускает, что человек может входить в разные цифровые племена, но это в свою очередь уже делает не совсем состоятельным такую аналогию. Племя – это все-таки социальная структура, образующая сильные связи. Увлекаясь подобными аналогиями можно легко забыть, что цифровые сообщества такими свойствами не обладают.

Отличный от включенного наблюдения в онлайн-сообществах, изучения «цифровой племенной культуры» и «тотемизма» подход показывает Дэниел Миллер. Он является сторонником метода, согласно которому изучать следует не столько сообщества в Интернете, сколько практики использования социальных сетей и различных цифровых инструментов. Так Миллер провел масштабное исследование практики использования социальных сетей под названием «Why we post», в ходе которого девять исследователей отправились в различные точки и пятнадцать месяцев наблюдали за тем как местные жители пользуются социальными медиа. Работа с понятием «социальные медиа»¹¹⁸ являются одним из основополагающим моментом постутопического мышления об Интернете, поэтому они важны для цифрового антрополога. Миллер указывает, что разделение цифры и битов и метафора «киберпространства» становится

¹¹⁸ Интернет-ресурсы, которые выстраивают сообщества на основании контента.

неактуальной с распространением смартфонов и социальных медиа: «Это часть нашей среды обитания, но одновременно мы и пользуемся ими, как и любыми другими компонентами реального мира. Да, поначалу люди говорили о двух мирах – реальном и виртуальном, но, мне кажется, причиной этого было то, что мы просто очень плохо понимали, что такое социальные медиа»¹¹⁹. Миллер считает, что теперь их природа понятна лучше. По всему миру по-разному социальными медиа пользуются по-разному. Более того, по всему миру не существует единого понимания Интернета. Это наглядно показали исследования Миллера и его команды. Социальные медиа не унифицируют мир, Instagram не создает «глобальный визуальный язык», как считает Манович, носители тех или иных культур адаптируют эти технологии под себя.

Об итогах «Why we post» Миллер сказал следующие слова: «Я бы сказал, что почти каждый наш проект провалился, что нас очень обрадовало»¹²⁰. Ни одна из гипотез с которыми ехали исследователи не подтвердилась, однако они получили множество результатов. Оказалось, что чилийские индейцы не склонны указывать свой этнос, как предполагалось, а в сельской местности Индии, где было решено строить IT-кластер, практики использования социальных медиа среди программистов и сельских жителей мало чем отличаются. Свои результаты ученые описали во множестве роликов и написав около 11 работ, одной из которых стала «Как мир изменил социальные медиа» (How the World Changed Social Media). Уже в названии видно насколько изменился подход к исследованию проблемы. Если ранее большинство исследователей интересовало, то как технологии изменяют мир, то сейчас больший интерес вызывает конкретные примеры людского использования технологий. Однако, подобная позиция имплицитно содержит

¹¹⁹ Фаворов П. Дэниел Миллер. Смартфон — самая важная вещь из всего, чем мы сейчас владеем [Электронный ресурс] URL: <http://www.colta.ru/articles/society/12910> (дата обращения 12.04.2018)

¹²⁰ Родченко Д. Даниел Миллер: «Большую часть наших открытий мы представили в виде мемов с котиками» [Электронный ресурс] URL: <https://beta.strelkamag.com/ru/article/miller-why-we-post> (дата обращения 12.03.2018)

в себе мнение о том, что технологии все-таки меняют мир. Миллер сам говорит об этом в своем интервью, когда упоминает о том, что социальные сети и смартфоны становятся частью среды нашего обитания. Это как раз-таки пример того, что коммуникационные технологии вносят свой революционный вклад в облик нашего мира и об этом ни в коем случае не стоит забывать. Стоит отметить, что Миллер и не говорит ничего против идеи ведь сам его интерес к цифровым технологиям показывает, что они играют важную роль в человеческой жизни. Антропологические исследования показывают, что мир не детерминирован технологиями, люди реагируют на них и включают и подстраивают под себя. Примерно об этом и говорится на протяжении всей работы, цифровая антропология вполне подтверждает гипотезу о том, что технологии рожают определенные представления у своих пользователей.

Разные практики использования цифровых медиа могут различаться не только от стран, но и в городах. В России подход Миллера нашел своих сторонников в лице «клуба любителей интернета и общества», организованный уже упоминаемой здесь Полиной Колозариди. Они считают, что не только в каждой стране, но и в каждом городе можно найти свои особенные практики использования Интернета, обусловленные особенностями историей его развитие. Клуб провел ряд экспедиций, в ходе которых они выезжали в различные города России и проводили там наблюдение. Так они получили интересные результаты, например, исследователи выясняли, что на Дальнем Востоке половину социальных медиа заменяет WhatsApp. Деятельность клуба призвана показать, что «Интернет перестаёт быть глобальным – не только из-за действий государств, но скорее из-за того, что сам является инструментом/средой развития разнообразия»¹²¹. И снова становится видно, что исследователи признают влияние цифровых коммуникационных технологий на наш мир, но

¹²¹ клуб любителей интернета и общества [Электронный ресурс] URL: <http://clubforinternet.net/theresearch> (дата обращения 12.04.2018)

здесь следует быть предельно осторожным для того, чтобы не впасть в крайности социального или технологического детерминизма. Инструментом, который может нам помочь быть далеким от этих крайностей, является акторно-сетевая теория.

В детерминистских конструкциях технологии и общества постоянно меняются ролями: то технологии «накладывают рамку» на общество, определяя вектор его развития, то потребности общества определяют облик технологий. Бруно Латур – главный теоретик акторно-сетевой теории, решает проблему радикально, ставя под сомнение само понятие «общество».

Латур говорит о том, что подчас многие социологи начинают объяснять происходящие явления с помощью понятие «социальное», принимая его за некий вид материала, монолитного и твердого на подобии дерева или железа. Однако «социальное» неуловимо, оно «в разбавленном виде есть всюду, а в чистом – нигде»¹²², поэтому довольно сомнительно исходя из него пытаться объяснять какие-либо явления. Но такой подход довольно популярен и Латур называют его «социологией социального» в противоположность которой он ставит «социологию ассоциаций». Облик общества исходя из такого будет совершенно другим. Если «социология социального» воспринимает общество как нечто уже изначально существующее и обуславливающее поведение человека в любом месте и в любой институции. Общество предстает в виде невидимой структуры, которая определяет все наши действия хотим ли мы этого или нет, от него не скрыться никому, ни портовому рабочему, ни научному сотруднику в лаборатории (а ведь их и так уже держит мертвой хваткой «невидимая рука рынка»). Лишь социолог профессионально способен разглядеть эти «невидимые структуры» и открыть глаза на них глаза непросвещенным, в этом его высокая позиция. Но как мы уже говорили Латур сомневается в том, что действительно общество действительно можно «увидеть», потому как это не вещь, а связь или

¹²² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 23.

ассоциация, которые нужно проследить и весь проект «социологии ассоциаций» есть «возвращение к задаче, которую первая (*«социология социального»* - прим. автора) слишком быстро посчитала решенной»¹²³.

Прослеживание этих связей отнюдь нелегкое дело. Для Латура никакого «социального» изначально не существует, что высвобождает акторов, которые до сей поры были в тени данного понятия. Именно акторы выстраивают связи, собирая и пересобирая группы. Жизнь действительного общества, по Латуру, это предельно динамичный процесс, поэтому сложно его схватить его во всей совокупности. Вместо этого, исследователю приходится переместить все свое внимание на акторов, которые в процессе пересборки своих групп оставляют множество следов, за которыми «социолог ассоциаций» идет «кормясь противоречиями». Не зря в английском языке аббревиатура акторно-сетевой теории звучит как ANT (Actor-network theory), что в переводе означает муравья. Ведь именно образ близорукого муравья для Латура так хорошо описывал исследователя, следующего этому методу: «Акроним АСТ хорошо подходит для обозначения подслеповатого, близорукого, страдающего трудоголизмом, обнюхивающего следы коллективного странника. Муравей, пишущий для других муравьев, – это как нельзя лучше подходит для моего проекта»¹²⁴

Латур вносит новое измерение в разговор о технологиях, в том числе и цифровых медиа. До этого разговор во многом строился на том, как технологии влияют на общество или же наоборот. Если же учесть открытие Латура, то этот разговор теряет свой смысл. Когда общество неочевидное понятие, которое нуждается в постоянных уточнениях ни технологии не на что производить влияние и не существует «общества», которое может призвать технологию к жизни согласно своим потребностям. В акторно-сетевой теории техника и технологии выступают в качестве «нечеловеческих» акторов, которые, однако, в процессе построения

¹²³ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 37.

¹²⁴ Там же.

социальных связей равны друг другу. Для Латура совершенно очевидным является то, что техника и технология, нечеловеческие акторы, как он их называет, принимают активное участие в процессе сборки социального: «Нет такой эмпирической ситуации, в которой имело бы смысл существование двух связанных гомогенных объединений, например, технологии и общества. АСТ – это не установление абсурдной «симметрии между человеческими и нечеловеческими акторами». Говоря о симметричности, мы всего лишь призываем не навязывать априори ложной асимметрии»¹²⁵. Пока технологии соизмеримы с социальными связями они должны быть включены в разветвленную сеть следов по которым мы отслеживаем социальное, а какие технологии могут быть более с ним соизмеримы нежели технологии коммуникационные? Да и сам Латур пишет, что «хотя нет «скрытой лежащей в основе структуры», нельзя сказать, что не существует структурирующих шаблонов, циркулирующих по каналам, легче всего материализуемых посредством техник – техник письма и вообще интеллектуальных технологий, таких же важных, как шестеренки, рычаги и химические связи»¹²⁶.

Подход Латура, как мы видим, оказался довольно близок к методам цифровой антропологии. Там также исследователь отдает первую роль своим акторам, однако ни о какой симметрии между технологиями и человеком речи не идет. Так, в исследованиях Боелстрофа человек включен в цифровую среду как член некоего «виртуального» сообщества, в изысканиях Миллера существующие сообщества как бы подстраивают цифровые медиа под свои задачи.

Похожая ситуация наблюдается и в способах изложения материала. Однажды, Вальтер Беньямин в своей переписке с Мартином Бубером скажет об интерпретации опыта своего пребывания в Москве: «Мои описания будут избегать всякой теории. Как я надеюсь, именно благодаря этому мне удастся

¹²⁵ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 113.

¹²⁶ Там же.

заставить говорить саму реальность»¹²⁷. В наши дни именно отказ от теорий и объяснительной установки в изложении своих результатов является яркой чертой постутопического мышления. Уже говорилось, что Миллер продолжает описывать результаты своего исследования *Why we post*, его команда уже выпустила 11 книг, также на сайте проекта постоянно выкладываются ролики, показывающие процесс исследования. Бруно Латур же считает, что хорошее описание снимает необходимость в любых объяснениях: «Противоположность между описанием и объяснением — еще одна из тех ложных дихотомий, которые надо похоронить, особенно когда речь идет о «социальных объяснениях», которые приходится выкатывать из дома престарелых. Либо сети, делающие возможным некое положение дел, полностью развернуты, и тогда добавлять объяснения излишне, либо мы «добавляем объяснение», утверждающее, что надо принять в расчет какого-то другого актора или фактор, и тогда описание должно продвинуться на шаг дальше. Раз, *несмотря на описание, сохраняется потребность в объяснении, значит, это плохое описание*»¹²⁸.

Таковы тенденции постутопического мышления. Идет отказ от идеи универсальных и общих понятий, объяснительных построений и понятия Интернета и цифровых медиа вполне подпадают под эти тенденции. Не существует универсального общества, как и не существует универсального Интернета, он локален и разнообразен. Именно поэтому здесь так мало сказано о метаморфозах демократии, так как начиная свой разговор об этом мы автоматически поддерживаем идею универсального Интернета. Если в одних сообществах цифровые медиа и предстают в образе инструмента демократии, то в других они станут образом глобального паноптикума, с помощью которого IT-компании могут постоянно наблюдать за своими клиентами. Однако игнорировать социальные представления о технологиях и утопические проекты, связанные с ними ни в коем случае нельзя, так как они,

¹²⁷ Бенъямин В. Московский дневник. М. Ад Маргинем Пресс, 2014. С. 9.

¹²⁸ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 213.

несмотря на поворот в мышлении об Интернете, продолжают жить в представлениях многих стейкхолдеров. Это легко можно продемонстрировать на примере недавно произошедшего конфликта российского правительства и владельцами мессенджера Telegram. Интересы российского правительства столкнулись с интересами IT-индустрии, в которой еще сильна идеология, сложившаяся во время становления Интернета, а как указывалось в первой главе идеология имеет корни в утопии.

Таким образом, в данной главе мы рассмотрели, что представление о цифровых медиа как инструменте демократии постепенно переживает свой кризис. Это мы видим в работах исследователей демократии, которые, однако, все еще признают определенный потенциал за Интернетом. Значительный отход от утопий мы обнаружим у «цифровых антропологов», которые призывают к методам реального наблюдения за практиками использования цифровых коммуникационных технологий. Также нельзя игнорировать метод акторно-сетевой теории Бруно Латура, который предостерегает от чрезмерного увлечения абстрактными понятиями, коим у него является понятие «социальное». Однако, несмотря на отход от утопий в мышлении о технологиях, все равно их следует принимать во внимание, так как богатое наследие развития сети все еще дает знать о себе и в наше время.

Заключение

Подводя итоги исследования, скажем, что, исследуя проблему метаморфоз демократии мы пришли к довольно неожиданным выводам.

Исследуя утопические и антиутопические представления о технологиях в двадцатом веке была проведена работа над основными понятиями «техника-утопия», «утопия-антиутопия». Выяснилось, что на сегодняшний момент не проводится жесткого различия между понятиями техника и технология, существуют лишь особенности употребления данных терминов в различных странах. Однако, исторически можно найти корни понятия «технология» в Новое время. Утопия также является по большей части продуктом Просвещения и Нового времени. Появление антиутопии – деконструкции жанра утопии, совпадает с кризисом нововременных познавательных установок и его идеалов прогресса и господства над природой. Так, в большинстве литературных источников мы найдем мотив тяги человека к естественности из машинного индустриального мира. Антиутопические мотивы преобладают и в исследованиях технологий, не исключением являлись и медиа.

Однако утопия возвращается с появлением и развитием сетевых технологий. Так в двух историях Интернета, которые описывают Мануэль Кастельс и Патрис Флиши, становятся видны некоторые особенности социального облика цифровых медиа. Еще на первых порах развития Интернета среди его пользователей складываются определенные традиции, которые выразились в мериократических принципах среди пользователей, идеале электронного сообщества, в котором не ценится иерархия, коммуникации имеют горизонтальный характер, а положение пользователя в сообществе определяется его вкладом в него. Кроме того, первые разработчики и пользователи были связаны с контркультурными и левыми движениями своего времени. Огромный вклад в развитие представлений об Интернете внесли сотрудники журнала Wired и авторы, которые

публиковались на его страницах. Так выяснилось, что метафора «киберпространство», которое ввел в обиход писатель-фантаст Уильям Гибсон имела огромное влияние на те представления, которые складывались среди пользователей цифровых технологий. В итоге это вылилось в манифестации независимости киберпространства от любых акторов, в особенности государственных. Поэтому был сделан вывод о том, что история развития Интернета значительно повлияла на дискурс дискуссий о влиянии цифровых медиа на демократию.

Представления о цифровых медиа как среде в которой царит дух свободы приобрели определенную популярность. Они хорошо соотносятся с концепцией Х. Энцисбергера о репрессивных (вещательных) и эмансипационных медиа. Эмансипационные медиа строятся на основе совместного производства и потребления контента и имеют структуру сети. Интернет же вполне обладает всеми этими характеристиками, поэтому о нем так легко говорить как о демократизирующей технологии. К цифровым медиа существовало множество подходов. Одни считали, что Интернет постепенно занимают «оффлайновые» акторы, другие думали, что Интернет рождает текучую электронную демократию с прямыми формами участия, третьи придерживались мнения о том, что цифровые медиа приносят новую динамику в представительскую демократию. Также выяснилось, что представления об Интернете как о демократизирующей технологии сильно связаны с понятием «свободы слова». Это в лишний раз подтвердилось после событий арабской весны, когда дискуссии разгорелись с новой силой. Коммуникацию в Интернете сложно цензурировать, поэтому он может быть инструментом активного противодействия властям. Кроме того, цифровые медиа делают прозрачными действия властей, позволяя контролировать их деятельность. Однако через критику Е. Морозова и идею о «декадансе медиа» Дж. Кина становится ясно, что эти идеи переживают кризис. Причиной тому стала очевидность того, что авторитарные правительства хорошо подстраиваются к условиям современных цифровых коммуникаций,

IT-компании постепенно превращают Интернет в свою монопольную собственность, а алгоритмы их сервисов не приучают пользователя к плюралистичности, а превращает медиа в эхо-камеры, где они постоянно сталкиваются лишь со своим мнением.

Кризис представлений об Интернете как инструменте демократии знаменует собой постутопическое мышление о технологиях. А оно требует новых исследовательских стратегий для осмысления современных коммуникационных. С одной стороны, данная стратегия находится в цифровой антропологии – дисциплины, использующей этнографические методы для исследования данной проблемы. Этот подход знаменует собой отход от утопий, цифровые медиа больше не мыслятся с точки зрения их демократического влияния, более не так актуальна метафора киберпространства, сильно воздействовавшая на представления об Интернете. Теперь стремление лежит в беспристрастном наблюдении за современными коммуникационными технологиями и их пользователями, своеобразном следовании за акторами, как сказал бы Бруно Латур. Как выяснилось, его идеи также вполне актуальны для постутопического мышления о цифровых технологиях. Не существует видимого социального, на которые могли быть влиять технологии, тоже самое можно сказать и об обратном. Технологии и люди образуют связи, которые состоят в процессе постоянной сборки социального, мы же можем лишь идти по следам этих связей.

В ходе работы мы выяснили, что тема влияния цифровых медиа на демократию является следствием представлений, которые возникали вокруг этой технологии. Если Интернет и вызывает какие-либо метаморфозы в демократии, то это, скорее, является частным случаем нежели законом. Однако, в отношении такой технологии как Интернет понимание социальных представлений вокруг него довольно важным, во избежание негативных последствий конфликтов между стейкхолдерами, являющимися носителями разных социальных представлений и утопических проектов.

Список литературы

1. Алексеевский М. Городская антропология. От локальных «племён» к глобальным «потокам» // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города. М.: Strelka Press, 2017. С. 78-100
2. Алимова С.Б. Идеологические манифесты киберпространства // Альманах современной науки и образования. 2013. № 8 (75). С. 13-15.
3. Архангельская И.Б. Маршалл Маклюэн. Нижний Новгород: НКИ, 2010. 291 с.
4. Асмолов Г. Лицом к Дракону: Роль общественного мнения в регулировании российского интернета [Электронный ресурс] URL: <https://digital.report/wp-content/uploads/2015/07/SDF-DR-Litsom-k-Dragonu-v5.pdf> (дата обращения 8.04.2018)
5. Барлоу Дж. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс] URL: <http://akaada.narod.ru/dekl.html> (дата обращения 5.04.2018)
6. Баталов Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 376 с.
7. Беньямин В. Краткая история фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 144 с.
8. Беньямин В. Московский дневник. М. Ад Маргинем Пресс, 2014. 264 с.
9. Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 448 с.
10. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономики знака. М.: Академический проект, 2007. 277 с.
11. Бурдые П.О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.

12. Бэкон Ф. Новый органон. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015. 352 с.
13. Вахштайн В. Социология и утопия [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/video/20720> (дата обращения: 24.03.2018)
14. Вегнер Д., Уорд А. Как Интернет меняет наш мозг // В мире науки. 2014. № 2. С. 98-102.
15. Гибсон У. Трилогия «Киберпространство»: романы, рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 960 с.
16. Гоним В. Революция 2.0. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2012. 352 с.
17. Губский Е.Ф. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. 576 с.
18. де Шарден П. Т. Феномен человека. М.: АСТ, 2012. 384 с.
19. Жаданов Ю.А. Антиутопия XX века: этапы большого пути [Электронный ресурс] URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/zhadanov-antiutopiya-hh-veka.htm> (дата обращения 2.04.2018)
20. Замятин Е.И. Мы. М.: АСТ, 2005. 160 с.
21. Ивин А. А. Философия. энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
22. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.
23. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
24. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
25. Кин Дж. Средства массовой информации и демократия. М.: Памятники исторической мысли. 1994. 170 с.
26. Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа: учебник для вузов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 423 с.

27. клуб любителей интернета и общества [Электронный ресурс] URL: <http://clubforinternet.net/theresearch> (дата обращения 12.04.2018)
28. Колозариди П. Утопия в интернет-исследованиях [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/video/82652> (дата обращения 9.04.2018)
29. Колозариди П.В. Утопия и идеология в исследованиях Интернета // Мониторинг общественного мнения. 2015. №5 (129). С. 144-157.
30. Колозариди, П.В. Шубенкова А.Ю. Интернет как предмет социальной политики в официальном дискурсе России: благо или угроза?. // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 14 (1) С. 39-54.
31. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.
32. Ловинк Г. Психопатология информационной перегрузки // Медиа: между магией и технологией / Под общей редакцией: Н. Н. Сосна, К. Е. Федорова. М., Екатеринбург Кабинетный ученый, 2017. С. 232-250.
33. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Издательство политической литературы, 1988. 366 с.
34. Майданская И.А. Перекрестки «Калифорнийской идеологии» // Человек, язык, культура. Межвузовский сборник научных статей. Таганрог: ТИУиЭ, 2003.
35. Маклюэн М. Война и мир в глобальной деревне. М.: АСТ: Астрель, 2012. 219 с.
36. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2015. 443 с.
37. Маклюэн М. Законы медиа // История философии. 2001. № 8. С. 124-162.
38. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014. 464 с.
39. Манович Л. Теории софтбокультуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.

40. Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. 744 с.
41. Мороз О. Цифровая среда [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/video/75092> (дата обращения 11.04.2018)
42. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ : CORPUS. 528 с.
43. Новая философская энциклопедия в 4-х томах. М.: Мысль, 2001. С. 491
44. Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, Neoclassic, 2013. 320 с.
45. Павлов П.В. Интернет и ноосфера. // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 4-7 (9). С. 67-69.
46. Платон Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. 1311 с.
47. Попова Е. В. Организационная структура и механизмы функционирования управления перспективных исследовательских проектов министерства обороны США (DARPA). Возможное использование опыта DARPA для России // Инновации. 2010. №11. С. 5-10.
48. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 248 с.
49. Родченко Д. Даниел Миллер: «Большую часть наших открытий мы представили в виде мемов с котиками» [Электронный ресурс] URL: <https://beta.strelkamag.com/ru/article/miller-why-we-post> (дата обращения 12.03.2018)
50. Теории и практики. Интервью с Маршаллом Маклюэном в журнале PLAYBOY 1969 года. [Электронный ресурс] URL: https://theoryandpractice.ru/posts/8183-marshall_playboy (дата обращения 4.04.2018)
51. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ, 2009. С. 116.

52. Фаворов П. Дэниел Миллер. Смартфон — самая важная вещь из всего, чем мы сейчас владеем [Электронный ресурс] URL: <http://www.colta.ru/articles/society/12910> (дата обращения 12.04.2018)
53. Филиппов А. Актуальность философии Гоббса. Статья первая // Социологическое обозрение. 2009. Т.8. № 3. С. 102-112.
54. Флиши П. Воображаемое Интернета. // Studia Culturae. 2005. № 8. С. 269-296.
55. Флиши П. концепция social imaginary [Электронный ресурс] URL: http://clubforinternet.net/school_18/current/discourse/3/1 (дата обращения 1.04.2018)
56. Фромм Э. Во имя жизни // Философия и жизнь. М.: Знание. — 1992. — С. 8-27.
57. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
58. Хаксли О. О дивный новый мир. М.: АСТ, 2017. 288 с.
59. Хаксли О. Остров. М.: АСТ, 2016. 512 с.
60. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
61. Чурилов Д. Первый советский «ксерокс» против КГБ. [Электронный ресурс] URL: <https://ediweb.com/ru-ru/company/blog/pervyj-sovetskij-kseroks-protiv-kgb> (дата обращения 6.04.2018)
62. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век: антология. М.: 1995.
63. Энценсбергер Х.М. Строительный материал для теории медиа // Логос. 2015. Том 25. № 2 (104). С. 142-161.
64. Beckmann J. Anleitung zur Technologie. — Рипол Классик, 1787.
65. Boellstorff T. Ethnography and virtual worlds: A handbook of method. — Princeton University Press, 2012. 223 p.

66. Epstein R., Robertson R. E. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. Т. 112. № 33. P. E4512-E4521.
67. Flichy P. Is the Internet an instrument of democracy? [Электронный ресурс] URL: <http://www.booksandideas.net/Is-the-Internet-an-instrument-of.html> (дата обращения 6.04.2018)
68. Flichy P. The imaginary internet: how Utopian fantasy shaped the making of a new information infrastructure // Business and Economic History. 2004. Т. 2. P. 1-4.
69. Fuchs C. Social Media. A Critical Introduction. London, 2014.
70. Horst H. A., Miller D. Digital anthropology. London. A&C Black, 2013. 316 p.
71. How the World Changed Social Media / D. Miller et al. London: UCL Press, 2016. 262 p.
72. Innis H. A. The bias of communication. – University of Toronto Press, 2008. 226 p.
73. Innis H. Empire and communications. Toronto: Press Porcepic Limited, 1986. 184 p.
74. Innis H. The Cod Fisheries: The History of an International Economy. University of Toronto Press, 1954. 544 p.
75. Innis H. The fur trade in Canada: An introduction to Canadian economic history. – University of Toronto Press, 1999.
76. Kelly K. Anticipatory Democracy [Электронный ресурс] URL: <https://www.wired.com/1996/07/netizen-12/> (дата обращения 29.04.2108)
77. McLuhan M., Stearn G. McLuhan: Hot and Cool. New York: Dial, 1967. 312 P.
78. Moscovici S. Foreword // Health and Illness: A Social Psychological Analysis. London: Academic Press, 1973. P. 9-14.
79. Narodny I. Marconi's plans for the world [Электронный ресурс] URL: <https://earlyradiohistory.us/1912mar.htm> (дата обращения 1.04.2018)

80. Salomon J.J. What is Technology? The Issue of its origins and definitions // History and Technology, an International Journal. 1984. T. 1. №2. P. 113-156.
81. Sparrow B., Liu J., Wegner D. M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. 2011. T. 333. №. 6043. P. 776–778.
82. Storm B.C., Stone S.M., Benjamin A.S. Using the Internet to access information inflates future use of the Internet to access other information // Memory. 2016.